

Владиміръ Андреевичъ. «По всѣмъ вѣроятностямъ,—говорить Соловьевъ,—Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь (со времени пожара) его внушенія, его вліяніе получили большую силу». А если такъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что столь будто бы поразившее митрополита и бояръ поведеніе Іоанна въ декабрѣ 1546 года имѣло мѣсто не безъ совѣщаній съ Сильвестромъ или его единомышленниками. Насчетъ Макарія сомнѣній собственно нѣтъ, только историки предпочитаютъ маскирующія выраженія: Іоаннъ «позвалъ» Макарія и т. п. Г. Замысловскій, также горячо отстаивающій самостоятельность Іоанна, въ упомянутой уже статьѣ въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» справедливо говоритъ: «Ведя горячій споръ о вліяніи Сильвестра на царя, ученые, какъ намъ кажется, мало обращали вниманія на значеніе митр. Макарія. Его поученія и посланія къ царю наводятъ на вѣроятное предположеніе, что не одинъ Сильвестръ съ своими единомышленниками имѣлъ вліяніе на царя». Г. Бестужевъ-Рюминъ также говоритъ, что къ вліянію Сильвестра «быть можетъ слѣдуетъ прибавить и Макарія, если даже вліяніе Макарія не было сильнѣе». Если, однако, даже объ Макарії мы можемъ только догадываться, то тѣмъ паче нечего удивляться скудости или прямому отсутствію указаній памятниковъ на другихъ лицъ, которые могли быть руководителями Івана. Прикрываясь произвольно выхваченными цитатами изъ наивныхъ или лицемерныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, можно рассказывать какъ угодно, но, желая возстановить полную, живую картину прошлаго, мудрено довольствоваться фразами: Іоаннъ заявилъ, Іоаннъ созвалъ и т. п. А. Н. Майковъ, котораго нельзя заподозрить въ непочтительномъ отношеніи къ Грозному и котораго г. Бестужевъ-Рюминъ ставитъ въ этомъ смыслѣ въ примѣръ другому поэту, гр. А. Толстому,—руководимый на этотъ разъ простымъ здравымъ смысломъ и можетъ быть художественнымъ чутьемъ, рассказываетъ дѣло такъ: «Рядомъ съ безнравственными и свирѣпыми боярами очевидно подлѣ

юноши-царя находился кто-то, старавшийся насадить въ душѣ его страхъ божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично св. писаніе, исторію церковную, римскую и русскую и творенія отцовъ церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи... Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, значеніе русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же, вѣроятно, внушилъ царю, когда ему исполнилось 17 лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ» («Разсказы изъ русской исторіи для дѣтей и народа»). Въ этомъ родѣ идетъ и дальнѣйшее изложеніе, хотя о земскомъ соборѣ г. Майковъ все-таки выражается такъ, что Іоаннъ «объявилъ по всѣмъ городамъ» и т. д.

VI.

Наша литература объ Иванѣ Грозномъ представляетъ иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающіеся въ другихъ случаяхъ чрезвычайною осмотрительностью, на этомъ пунктѣ дѣлаютъ смѣлые и рѣшительные выводы, не только не справляясь съ фактами, имъ самимъ хорошо извѣстными, а, какъ мы видѣли, даже прямо вопреки имъ; умные, богатые знаніемъ и опытомъ люди вступаютъ въ открытое противорѣчіе съ самыми элементарными показаніями здраваго смысла; люди, привыкшіе обращаться съ историческими документами, видятъ въ памятникахъ то, чего тамъ днемъ съ огнемъ найти нельзя, и отрицаютъ то, что явственно прописано черными буквами по бѣлому полю.

Всѣмъ этимъ, подчасъ даже просто непонятнымъ странностямъ подвергается и драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи Грознаго—его переписка съ Курбскимъ. Polemika эта представляетъ для исторической критики свои удобства и неудобства, именно потому, что даетъ освѣщеніе однимъ и тѣмъ же событіямъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Но если объ враждующія стороны одинаково точно констатируютъ

одинъ и тотъ же фактъ, хотя бы называя его разными именами и разнo относясь къ нему, то ясно, кажется, что фактъ, значить, дѣйствительно былъ. По крайней мѣрѣ всѣ вѣроятности за это. А между тѣмъ что же мы видимъ? Иванъ съ горечью и раздраженіемъ пишетъ Курбскому, что онъ, царь, находился въ малолѣтствѣ своемъ во власти мятежныхъ и своекорыстныхъ бояръ, а потомъ перешелъ подъ опеку «невѣжи попа» Сильвестра, который, вмѣстѣ съ «собакой» Адашевымъ, измѣнникомъ княземъ Курлятевымъ и другими, дѣлалъ что хотѣлъ и правилъ царствомъ помимо царя. И такъ продолжалось примѣрно до смерти царицы Настасьи. Этому собственному показанію Ивана Соловьевъ, г. Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые другіе историки не хотятъ вѣрить. Они утверждаютъ, что Иванъ, увлекаемый страстью и полемическимъ задоромъ, извращаетъ истину, что онъ хочетъ навалить какъ можно больше преступленій на Курбскаго и его партію и съ этою цѣлью готовъ даже умалить свою личную долю участія въ великихъ дѣлахъ первыхъ тринадцати лѣтъ его царствованія. Изъ словъ Ивана слѣдуетъ заключить, что созывъ земскаго собора, составленіе Судебника, мѣры къ ограниченію произвола администраціи и проч., что все это было дѣломъ «собакъ», измѣнниковъ и т. д. Историкамъ не хочется признать это, хотя они не могутъ привести ни единого факта въ доказательство, что дѣла эти были плодами личной инициативы царя. И вотъ они полемизируютъ съ самимъ Иваномъ: это, дескать, онъ въ полемическомъ увлеченіи говоритъ. Но вѣдь то же самое говоритъ и противоположная сторона—Курбскій. Только онъ называетъ «собакъ» и измѣнниковъ добрыми совѣтниками и «избранной радой». Въ чемъ же дѣло? Историки могутъ склоняться мнѣніемъ на ту или другую сторону; могутъ подробнымъ анализомъ фактовъ выяснять цѣли, намѣренія и личныя свойства совѣтниковъ Ивана, могутъ, наконецъ, съ особеннымъ тщаніемъ останавливаться на тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда Іоаннъ выбивался изъ-подъ вліянія «избранной рады» или «собакъ», — такіе отдѣльные случаи указываютъ и Курбскій, и Иванъ. Но если обѣ враждующія стороны, готовые чуть не съѣсть другъ друга и во всякомъ случаѣ не жалѣющія красокъ для уличенія против-

ника во лжи, сходятся на одномъ чисто фактическомъ показаніи, то, казалось бы, историческому скепсису тутъ уже нечего дѣлать. Тѣмъ болѣе, что достовѣрныхъ фактовъ, которые противорѣчили бы этому положенію, нѣтъ. За неимѣніемъ таковыхъ, историки довольствуются восклицательными знаками. Такъ и Соловьевъ восклицаетъ: «Всего страннѣе предполагать, что человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ!» Но вѣдь въ этомъ-то и вопросъ,—какой былъ характеръ у Іоанна? И потому, рѣчь не о томъ, что онъ былъ въ удаленіи отъ дѣлъ, а о томъ, что онъ былъ исполнителемъ чужихъ замысловъ. Мимоходомъ сказать, съ этими восклицательными знаками, опирающимися, для доказательства чего-либо, на соображенія, именно подлежащія доказательству (въ курсахъ логики это называется *petitio principii* или круговое заключеніе), въ литературѣ объ Иванѣ Грозномъ приходится наталкиваться очень часто. Вотъ, напримѣръ, и Кавелинъ, идеализируя дикое учрежденіе опричнины, говоритъ: «кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, тотъ не скажетъ» того-то и того-то худого про опричнину. А кто же знаетъ любовь Іоанна къ простому народу? Не тѣ ли «всенародные человѣки», какъ говоритъ Курбскій, или «христіане», по выраженію псковскаго лѣтописца, которыхъ Іоаннъ въ молодости, играючи, билъ и топталъ конскими копытами? Или тѣ псковскіе депутаты, которые явились къ нему, уже женатому и вѣнчанному на царство, съ жалобой на намѣстника и которыхъ онъ мучительски истязалъ, рвалъ и жегъ имъ бороды и проч.? Или тысячи простыхъ людей, зарѣзанныхъ и утопленныхъ въ Новгородѣ?

Но возвратимся къ вопросу о самостоятельности Іоанна Грознаго.

Во время своей болѣзни 1553 г. Іоаннъ далъ обѣтъ съѣздить на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, куда, выздоровѣвъ, и отправился вмѣстѣ съ женой и малюткой-сыномъ. По дорогѣ онъ видѣлся въ Троицкомъ монастырѣ съ знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, который всячески отговаривалъ его отъ столь дальней предпринятой имъ поѣздки. Макеимъ Грекъ говорилъ царю, что обѣтъ его былъ неразуменъ, что онъ можетъ и дома подвигнуть св. Кирилла на

предстательство за него передъ Богомъ, а чѣмъ ѣхать съ женой и новорожденнымъ ребенкомъ, пусть лучше царь сдѣлаетъ богоугодное дѣло: пусть соберетъ въ Москву вдовъ и сиротъ воиновъ, погибшихъ подъ Казанью, и утѣшитъ и устроить ихъ. Иванъ оставался, однако, при своемъ намѣреніи. Тогда Максимъ Грекъ черезъ приближенныхъ къ царю людей, въ томъ числѣ черезъ Адашева и Курбскаго, велѣлъ ему сказать: если забудешь кровь мучениковъ, побитыхъ погаными за христіанство, и поѣдешь съ упрямствомъ, то сынъ твой умретъ въ дорогѣ (малютка дѣйствительно умеръ). Царь все-таки не послушался и въ Пѣсношскомъ монастырѣ видѣлся съ другимъ инокомъ, Вассіаномъ Топорковымъ. Вассіанъ сказалъ ему въ разговорѣ слѣдующее: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ совѣтниковъ умнѣе тебя, потому что ты всѣхъ лучше; если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе тебя, то поневолѣ будешь имъ послушенъ». Царю эти слова по душѣ пришлись; онъ поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: «если бы и отецъ мой былъ живъ, то не могъ бы подать болѣе полезнаго совѣта». Такъ рассказываетъ Курбскій. Вполнѣ ли вѣренъ дѣйствительности этотъ рассказъ или нѣтъ, но, по справедливому замѣчанію Соловьева, онъ драгоцененъ для историка, какъ выраженіе сознанія современниковъ о живой связи между событіями и лицами. И въ самомъ дѣлѣ, это эпизодъ чрезвычайно характерный, но, мнѣ кажется, совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, съ которой его освѣщаетъ Соловьевъ. Для него это одинъ изъ эпизодовъ борьбы между крѣпнущимъ самодержавіемъ, сторонникомъ котораго является въ данномъ случаѣ любимецъ отца Іоаннова—старецъ Вассіанъ, и отживающими боярскими принципами, защищаемыми Максимомъ Грекомъ. Бояре, дескать, боялись и, какъ видимъ, имѣли полное основаніе бояться встрѣчи Грознаго царя съ Вассіаномъ Топорковымъ, образъ мыслей котораго былъ хорошо извѣстенъ, и вотъ другъ и единомышленникъ бояръ, Максимъ Грекъ, всячески удерживаетъ царя. Пусть такъ. Но какъ же освѣщается этимъ эпизодомъ самостоятельность Грознаго? Очевидно, люди, близко знавшіе царя, видѣли въ немъ натуру именно не самостоятельную, легко поддающуюся всякимъ вліяніямъ. Вопросъ былъ только въ томъ—чья возьметъ

удастся или не удастся Вассіану «шептати царю во ухо» (выраженіе Курбскаго; Соловьевъ, по очевидному недоразумѣнію, толкуеть его буквально: сказалъ на ухо). Кромѣ того, самое содержаніе совѣта Вассіанова, такъ понравившагося царю, свидѣтельствуеть, что и у сторонниковъ безусловно неограниченной власти Грознаго не было надежды на его самостоятельность, вслѣдствіе чего они и рекомендовали такое удивительное средство, какъ устраненіе умныхъ совѣтниковъ. Этотъ въ сущности глубоко оскорбительный совѣтъ напоминаетъ слова свахи Бальзаминову: «ты глупый человекъ, значить, тебѣ умнѣй себя искать невѣсту нельзя».

Умнѣе ли Іоанна были послѣдующіе его совѣтники или нѣтъ, но они были и онъ ихъ слушалъ. Чрезвычайно любопытенъ рассказъ Курбскаго о причинахъ заочности суда надъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Митрополитъ настаивалъ на присутствіи обвиняемыхъ; «губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ съ царемъ возопиша: не подобаеть, о епискупе! Понеже вѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы очаруютъ царя и насъ погубятъ, аще приидутъ». Мы видимъ и здѣсь все тѣ же опасенія, какъ бы не поколебалось настроеніе грознаго царя, и вмѣстѣ съ тѣмъ давленіе на него, приводящее къ ожидаемому результату.

Не довѣрять Курбскому въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ основаній. Во-первыхъ потому, что, какъ мы видѣли, показанія Курбскаго, изъ которыхъ явствуетъ отсутствіе въ Іоаннѣ самостоятельности и духа инициативы, подтверждаются встрѣчнымъ свидѣтельствомъ самого царя. Во-вторыхъ потому, что вопросъ о самостоятельности или несамостоятельности Грознаго самъ по себѣ вовсе не занимаетъ Курбскаго. Группировать или какъ нибудь подтасовывать факты въ направленіи самостоятельности царя онъ не думаетъ и болѣе всего обвиняеть его въ гордости и самовластіи. Съ точки зрѣнія Курбскаго, Иванъ былъ, пожалуй, даже слишкомъ самостоятеленъ; но иное говорятъ факты, имъ приводимые.

И помимо Курбскаго и самого Ивана есть довольно выразительныя указанія. Есть извѣстія, что даже такое учрежденіе, какъ опричнина, въ которой мы привыкли видѣть личную печать духа Грознаго, явилось «по злыхъ людей совѣту,

Василья Юрьева да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же». Соловьевъ какъ бы смягчаетъ это показаніе, а въ сущности даже усиливаетъ. Онъ говоритъ: «страшному состоянію души Іоанновой соотвѣствовало и средство, имъ придуманное или имъ принятое, ибо по нѣкоторымъ извѣстіямъ планъ опричнины принадлежалъ Василью Юрьеву и Алексѣю Басманову съ нѣкоторыми другими». И это весьма вѣроятно. Извѣстно, что Грозный неоднократно отпирался отъ опричнины. Съ литовскимъ гонцомъ Юрягою приставу велѣно было говорить такъ: «если спросить: что это теперь у государя вашего слыветъ опричнина?—отвѣчать: у государя никакой опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя подальше; а что мужичье, не зная, зоветъ опричниной, то мужичьимъ рѣчамъ вѣрить нечего; воленъ государь, гдѣ хочетъ дворы и хоромы ставить, тамъ и ставить; отъ кого государю отдѣляться?» То же самое долженъ былъ говорить и русскій посолъ въ Литву, бояринъ Умный - Колычевъ. Это отреченіе отъ опричнины не можетъ, конечно, служить прямымъ доказательствомъ, что самая мысль о ней не принадлежала Грозному, но невольно всетаки думается, что отъ родного дѣтища, выношеннаго самостоятельнымъ процессомъ мышленія, не отрекаются, пока оно живо. Если же правда, что планъ опричнины не былъ созданіемъ Іоанна, а былъ подсказанъ ему другими, то понятно, что ему ничего не стоило отъ нея отпереться.

А затѣмъ является такое соображеніе. Нѣкоторые историки хотятъ насъ увѣрить, что при учрежденіи опричнины Іоаннъ руководился великою мыслью; другіе, признавая эту мысль пагубною, находятъ, что Іоаннъ дошелъ до нея однако какимъ-то логическимъ путемъ, которымъ, по крайней мѣрѣ, въ его собственныхъ глазахъ, учрежденіе опричнины оправдывалось. Если бы это было такъ, если бы Іоаннъ былъ дѣйствительно глубоко убѣжденъ въ необходимости, полезности, цѣлесообразности опричнины, онъ, конечно, не сталъ бы стыдиться ея и облыжно отрицать самый фактъ ея существованія. Любопытно, что въ упомянутомъ въ прошломъ письмѣ старинномъ

романъ «Князь Курбскій» планъ опричнины зарождается на одной изъ тѣхъ жестоко веселыхъ пирушекъ, которыя такъ любилъ Грозный, въ компаніи Малюты Скуратова, Чудовскаго архимандрита Левкія, Басманова, шута Грязного и т. п. И можетъ быть картина эта гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ представленія тѣхъ историковъ, которые видятъ въ опричинѣ плодъ уединенной государственной мудрости Іоанна IV.

Но оставимъ догадки и посмотримъ, на чемъ основываются догадки апологетовъ Грознаго, потому что ничего, кромѣ догадокъ, у нихъ, собственно говоря, нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, не правъ ли Погодинъ, задавая свой вопросъ: откуда могла взяться государственная мудрость и знаніе потребностей народа у юноши, проводившаго дотолѣ время такъ несчастно и безпутно, какъ это было съ Іоанномъ? Историки, обличающіе чудесный характеръ карамзинской исторіи Іоанна, очевидно, сами впадаютъ въ чудесное, только съ другого конца. Образъ впечатлительнаго и вдумчиваго мальчика, мучающагося вопросомъ о предѣлахъ своей власти и ищущаго разрѣшенія этого вопроса въ книгахъ, этотъ нарисованный Соловьевымъ образъ есть одна сплошная догадка историка, не имѣющая за себя ни единого прямого свидѣтельства. Она основана исключительно на начитанности Іоанна, обнаружившейся гораздо позже. Не будемъ говорить объ этой начитанности и замѣтимъ только, что даже г. Бестужевъ-Рюминъ, чрезвычайно высоко ставящій Грознаго вообще и въ этомъ отношеніи въ частности, говоря о знаменитомъ препирательствѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ, вынужденъ признать, что царь «оказался въ спорѣ неглубокимъ богословомъ». Еще бы! И во всякомъ случаѣ изъ чтенія св. писанія, изъ изученія церковной и римской исторій, твореній св. отцовъ, хотя бы это изученіе было гораздо глубже и пристальнѣе, чѣмъ какое мы видимъ у Іоанна, нельзя было извлечь свѣдѣній о нуждахъ русской земли. Житейскій опытъ юнаго великаго князя былъ тоже не великъ. Какія онъ книги читалъ и читалъ ли ихъ вообще, — объ этомъ мы никакихъ прямыхъ свѣдѣній не имѣемъ, а какъ онъ проводилъ время, это мы знаемъ, и знаемъ не отъ Курбскаго только: царь присутствовалъ при раздорахъ и интригахъ бояръ, разъѣзжалъ по монастырямъ и на охоту, предавался разгулу съ

товарищами,—вотъ и все. Какъ онъ прислушивался къ нуждамъ народа, тоже знаемъ. Во время своихъ путешествій, по словамъ лѣтописца, «князь великій все гонялъ на мскахъ (ишакахъ), а христіанамъ много протора учинилъ». Когда въ 1546 г. новгородскіе пищальники остановили его на охотѣ съ какимъ-то ходатайствомъ, онъ ихъ не сталъ слушать и велѣлъ разогнать, такъ что произошла драка. Когда въ слѣдующемъ году къ нему явились съ ходатайствами же псковичи, онъ ихъ опять таки не слушалъ, а мучительно истязалъ. Откуда же онъ узналъ о необходимости реформъ въ области законодательства и администраціи? Откуда, послѣ этого неистоваго отношенія къ новгородцамъ и псковичамъ, желаніе созвать представителей всей русской земли?

Намъ говорятъ о великой государственной идеѣ Грознаго царя, выразившейся въ сознательной борьбѣ съ удѣльными преданіями и олигархическими претензіями бояръ, замѣнѣ родового начала началомъ государственнымъ, въ поставленіи личной заслуги на мѣсто породы. Таково было то великое «новое», къ чему Иванъ IV стремился всѣми силами своей великой души и чего не могла воспринять слишкомъ неподготовленная Русь. Отсюда драма, въ центрѣ которой стоитъ мучительскій (съ этимъ никто не спорить), но и измученный борьбой образъ Грознаго царя.

Остановимся на одномъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ этой борьбы, не оскверненномъ ничьей невинною кровью и, значитъ, съ этой стороны не бросающемъ никакой тѣни на царя. Этимъ устраняется вопросъ о средствахъ, которыя Иванъ пускалъ въ ходъ въ своей борьбѣ, и остается передъ нами только самая борьба, ея идея и цѣль. Въ 1553 г., еще будучи въ наилучшихъ отношеніяхъ съ тѣми, кого онъ впослѣдствіи звалъ измѣнниками и собаками, царь опасно заболѣлъ. Онъ составилъ духовное завѣщаніе и предложилъ своему двоюродному брату Владиміру Андреевичу Старицкому и боярамъ присягнуть малолѣтнему царевичу Дмитрію. Владиміръ самъ мѣтилъ на престолъ и потому отказался присягать, а съ нимъ и многіе бояре. Сильвестръ и Адашевъ были, повидимому, тоже на сторонѣ Владиміра, но, сколько можно судить, это предпріятіе не было дѣломъ ихъ партіи (Курбскій, напримѣръ,

впослѣдствіи прямо говорилъ, что не считалъ Владиміра достойнымъ престола) и голоса приближенныхъ къ Ивану людей распредѣлялись въ этомъ дѣлѣ сообразно личнымъ убѣжденіямъ cadaго, а не по какимъ нибудь группамъ. Какъ бы то ни было, произошли во дворцѣ большія смуты, и, выздоровѣвъ, Иванъ никогда уже не могъ забыть измѣнническаго, по его мнѣнію, поведенія бояръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ зародилась первая искра недовѣрія къ Сильвестру и Адашеву. Соловьевъ и другіе хотятъ видѣть въ этомъ эпизодѣ все то же столкновение государственной идеи Грознаго съ олигархическими стремленіями бояръ. И когда читаешь это, напримѣръ, у Соловьева въ мастерскомъ освѣщеніи съ точки зрѣнія родовой теоріи, проведенной сквозь всю нашу старую исторію, то сразу, пожалуй, и не замѣтишь, что все толкованіе смуты во время болѣзни Ивана рѣшительно ни на чемъ не основано. Моментъ для заявленія боярами какихъ нибудь политическихъ претензій былъ необыкновенно удобный: царь при смерти, сынъ его — младенецъ, родной братъ (Юрій) — слабоумный, двоюродный братъ предъявляетъ свои права на престолъ, но права эти шатки, и потому у него легко было бы выговорить какія нибудь обязательства общаго политическаго характера. Ничего подобнаго мы однако не видимъ. Соловьевъ говоритъ объ отжившемъ порядкѣ престолонаслѣдія, держась котораго во имя старины, бояре хотѣли посадить на престолъ старшаго бокового родича, Владиміра, вмѣсто младшаго прямого, Дмитрія. Но Владиміръ былъ только двоюродный братъ, а Юрій — родной, и однако объ его правахъ на престолъ нѣтъ рѣчи. Объ немъ вспомнилъ только его тестъ, князь Палецкій, и выпрашивалъ для него у предполагаемаго будущаго царя Владиміра удѣлъ. Скажутъ, Юрій былъ завѣдомо слабоуменъ; но при такомъ-то царѣ и удобно было бы разростись плеведамъ олигархіи. Удобенъ былъ въ этомъ отношеніи и младенецъ Дмитрій; однако «мятежные» бояре не хотѣли его. Безъ сомнѣнія, въ средѣ московскаго боярства было много своекорыстныхъ и даже прямо нечистыхъ на-руку и въ другихъ отношеніяхъ негодныхъ элементовъ, но во-первыхъ еще вопросъ, гдѣ ихъ было больше — на сторонѣ ли Владиміра или на сторонѣ Дмитрія, а во-вторыхъ, каковы бы ни были ихъ качества,

а противъ московскаго самодержавія они очевидно ничего не замыслили. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ князя Пронскаго съ княземъ Воротынскимъ. Пронскій былъ изъ числа отказывающихся присягать Дмитрію. Наконецъ, согласился и, вымещая досаду на Воротынскомъ, который приводилъ къ присягѣ, сказалъ ему: «твой отецъ, да и ты самъ послѣ великаго князя Василя первый измѣнникъ, а теперь къ кресту приводишь!» Воротынскій отвѣчалъ: «я измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Дмитрію; ты прямой человѣкъ, а государю и сыну его креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь». Эта реплика сразила Пронскаго, — онъ молча присягнулъ. Можно было бы, конечно, многое сказать по поводу этого препирательства двухъ потомковъ удѣльныхъ князей, но ужъ никакъ нельзя сказать, чтобы они не хотѣли быть холопами московскихъ князей. Не только тогдашніе Рюриковичи не мечтали уже о какой нибудь удѣльной самостоятельности, но весь смыслъ ихъ жизни сводился къ тому, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе и попочетнѣе при московскомъ дворѣ, въ рядахъ холоповъ московскихъ государей. Много низостей они при этомъ совершали, но гдѣ же противоборство московскому единокровію? Что касается самодержавія, то можетъ быть, и даже навѣрное, существовала партія, мечтавшая о представительствѣ народа въ управленіи дѣлами государства, но олигархическаго въ ней ничего не было. Отецъ царскаго любимца, а впослѣдствіи «собаки» Алексѣя Адашева, Ѳеодоръ Адашевъ, говорилъ больному царю: «тебѣ и сыну твоему крестъ цѣлуемъ; но Захарьинымъ, Данилѣ съ братьей, служить не хотимъ; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами Захарьинымъ. Мы же отъ бояръ до возраста твоего бѣды видѣли многія». Какъ думалъ Адашевъ устроить дѣло, неизвѣстно, но не онъ одинъ мотивировалъ свой отказъ именно опасеніемъ олигархіи Захарьиныхъ и возврата печальныхъ дней малолѣтства Іоанна. То же самое говорили князья Щенятевъ-Патрикѣевъ, Ростовскій, Турунтай-Пронскій, Нѣмой. Положеніе было дѣйствительно трудное, и можетъ быть наиболѣе затруднительно было оно для искреннѣйшихъ сторонниковъ московскаго самодержавія. Что было бы въ случаѣ воцаренія Вла-

диміра, мы, конечно, знать не можемъ, но если бы царемъ былъ объявленъ младенецъ Дмитрій, то весьма легко могли бы повториться первые годы царствованія ребенка Іоанна, и во всякомъ случаѣ опасеніе это могло смущать именно враговъ олигархіи. Указаніе на это вполне естественное, при тогдашнихъ условіяхъ, именно съ государственной точки зрѣнія опасеніе мы только и знаемъ; а какихъ нибудь ссылокъ на родовые счеты вродѣ преимущества правъ дяди передъ правами племянника мы не встрѣчаемъ ни одной, кромѣ можетъ быть претензіи самого Владиміра. Это опять-таки ни на чемъ не основанная догадка историка: въ этомъ направленіи, по его мнѣнію, *должны были* думать и дѣйствовать противники малолѣтняго Дмитрія.

Теперь посмотримъ, какъ относится къ этому дѣлу Грозный. Историки и здѣсь много разсуждаютъ о томъ, какъ *должны были* думать Иванъ, но я не помню, чтобы хоть одинъ изъ нихъ привелъ слѣдующія чрезвычайно выразительныя подлинныя слова Грознаго во второмъ письмѣ къ Курбскому: «А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А азъ восхищеніемъ-ли, или ратью, или кровью, сѣлъ на государство? Народился есми Божіимъ изволеніемъ на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ, благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Володиміру почему было быти на государствѣ? *Отъ четвертаю удѣльнаю родился* (т. е., отъ послѣдняго сына Ивана III, пятаго или, если не считать старшаго, великаго князя, то отъ четвертаго). Что его достоинство къ государству? *которое ею поколѣніе?*»

Кто же, спрашивается, вѣлъ родовые счеты по поводу обстоятельства, которое поставило или могло поставить государство въ трудное положеніе? И почему историки видятъ родовые счеты тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и не видятъ тамъ, гдѣ они есть? Вообще представленіе о Грозномъ, какъ о противникѣ родового начала, родовыхъ счетовъ, принадлежитъ къ числу самыхъ странныхъ историческихъ фантазій. Извѣстно, какъ, производя себя отъ кесаря Августа или его брата Прусса, Грозный презрительно третировалъ другихъ государей, не столь, по его мнѣнію, породистыхъ. Шведскому королю онъ

объяснялъ, что тотъ «мужичьяго рода». «И ты скажи,—писалъ онъ королю,—отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали и гдѣ на государствѣ сидѣлъ, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго? Пришли родству своему письмо и мы потому разсудимъ». Стефанъ Баторій тоже много колкостей отъ Ивана получалъ по поводу той «низости», изъ которой онъ вышелъ, «не отъ государскаго прираженія, а отъ рыцарскаго чину». Сигизмунда-Августа, какъ прирожденнаго польскаго короля, Грозный попрекалъ такъ: «что братъ нашъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому братомъ равнымъ, то это его дѣло, хотя бы водовозу своему назвался братомъ». Однако и Сигизмундъ-Августъ не могъ бы мѣряться родовымъ достоинствомъ съ московскимъ царемъ: «Кромѣ насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа Кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это вѣдомо». Можно бы было привести еще много образчиковъ этого своеобразнаго мѣстничества, достигавшаго иногда даже комическихъ эффектовъ, но довольно съ насъ и приведеннаго. Что касается боярскаго мѣстничества, то въ началѣ царствованія Грознаго (въ 1550 г.) были дѣйствительно приняты нѣкоторыя мѣры, если не для прекращенія, то для ограниченія этого зла. Но это сдѣлано было не лично Иваномъ, а «избранной радой» или «собаками». А затѣмъ, какъ мѣра противъ мѣстничества, указывается нѣкоторыми историками лишь опричнина, но, конечно, она въ этомъ отношеніи непричемъ. Мѣстничество шло своимъ чередомъ, и если Иванъ разрѣшалъ лично себѣ топтать чью бы то ни было родословную гордость, то онъ же очень охотно самъ разбиралъ мѣстническіе счеты и составлялъ поколѣнные росписи тяжущихся сторонъ. Но всего яснѣе уваженіе Ивана къ «породѣ» и его пристрастіе къ родовымъ счетамъ видны изъ его во многихъ отношеніяхъ любопытнѣйшаго письма къ Василию Грязнову. Грязновъ, одинъ изъ ближайшихъ къ Ивану людей, опричникъ, попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ и просилъ царя выручить его, дать за него выкупъ. Въ отвѣтъ своемъ Иванъ, осыпавъ опричника градомъ ядовитыхъ насмѣ-

шекъ по тому поводу, что онъ попался въ плѣнъ, продолжаетъ: «правда, что грѣха таить, отца нашего и наши бояре стали намъ измѣнять, и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы свое и отцовское величество въ Алексинѣ: такіе и въ станицахъ ѣзжали; ты самъ въ станицѣ у Пенинскаго былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками, а предки твои у ростовскихъ владыкъ служили; мы не запираемся, что ты у насъ въ приближеніи былъ, и мы для твоего приближенія тысячи двѣ рублей за тебя дадимъ, а до этихъ поръ такіе, какъ ты, по 50 рублей бывали».

Это чрезвычайно замѣчательное посланіе. Царь, обремененный дѣлами всей Руси, находитъ нужнымъ удѣлить часть своего времени на ядовитое письмо къ мизинному человѣку Васюшкѣ Грязнову, на котораго онъ вовсе не гнѣвается, но не можетъ отказать себѣ въ жестокомъ удовольствіи попрекнуть этого мизиннаго человѣка его несчастіемъ и низкимъ происхожденіемъ. Царь, презирающій, какъ насъ увѣряютъ, родовые счеты, роется въ родословной Васюшки Грязнова и всаживаетъ при помощи ея шпильку человѣку, конечно, достоинствомъ не блистающему, но во всякомъ случаѣ несчастному, изнывающему въ тяжеломъ татарскомъ плѣну и съ надеждой устремляющему взоры на сѣверъ, къ своему царственному покровителю...

Я очень чувствую, что размѣры моихъ замѣтокъ о Грозномъ и безъ того не соотвѣтствуютъ вѣроятному терпѣнію читателей и потому всячески сокращаю свое изложеніе. Но все-таки прежде, чѣмъ приступить къ общей характеристикѣ личности Іоанна и его царствованія, я долженъ подчеркнуть еще одну частность. Это — созывъ перваго земскаго собора. Но этотъ вопросъ настолько значительный, что разсмотрѣніе его приходится отложить до слѣдующей главы.

VII.

Кромѣ времени малолѣтства Ивана Грознаго, кромѣ затѣмъ времени его тяжелой болѣзни 1553 г., былъ еще удобный слу-

чай выразиться боярскимъ притязаніямъ. Курбскій, котораго большинство историковъ изображаетъ носителемъ боярской идеи и представителемъ удѣльной старины, могъ, не стѣсняясь, излагать въ письмахъ къ Іоанну самыя задушевныя свои мысли, чувства, желанія. Онъ и дѣйствительно не стѣснялся, ибо зналъ, что корабли его все равно сожжены, а у Грознаго царя коротки руки достать его въ Литвѣ. Какія же такія несовмѣстимыя съ «новымъ» порядкомъ вещей требованія выставилъ онъ? Смѣшно сказать, но Соловьевъ, наиболѣе пристально разработавшій переписку Ивана съ Курбскимъ и толкующій ее въ смыслѣ отчаянной схватки стараго съ новымъ, указываетъ, собственно говоря, лишь на одно фактическое доказательство притязаній, и это единственное доказательство такъ ничтожно, что историкъ даже не рѣшается ввести его въ текстъ, а относитъ въ примѣчанія. Вотъ оно: «Что Курбскій имѣлъ дѣйствительно притязаніе по крайней мѣрѣ на титулъ князя Ярославскаго, доказываетъ его переписка со многими лицами въ Литвѣ, гдѣ онъ величаетъ себя княземъ Андреемъ Ярославскимъ». Эта ничтожная черта вдохновила одного поэта (г. Майкова), который влагаетъ Грозному въ уста такія слова:

...А Курбскій? Онъ ушелъ!

«Не мысля на удѣлъ!» — клянется мнѣ и Богу,
А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,
Въ облыжныхъ грамотахъ, какъ «Ярославскій князь»!

Въ «грамотахъ», вовсе однако не «облыжныхъ», Курбскій дѣйствительно писался Ярославскимъ княземъ, и болѣе воображеніе Іоанна дѣйствительно построило на этомъ обстоятельстве нѣкоторую клевету; онъ прямо адресовался въ своемъ первомъ письмѣ къ «князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскимъ владыкой». Но если бы титулъ князя Ярославскаго не былъ для Курбскаго чисто платоническимъ величаніемъ, то онъ, конечно, проявилъ бы соотвѣтственныя притязанія и какимъ-нибудь другимъ, менѣе невиннымъ способомъ. Онъ имѣлъ для этого полную возможность, во-первыхъ, какъ бѣглець, недоступный возмездію со стороны царя, а потомъ, какъ человекъ, открыто стоявшій въ рядахъ враговъ Россіи и воевавшій съ нею. Ничего подобнаго мы однако не видимъ. Жизнь Курб-

скаго въ Литвѣ хорошо извѣстна, даже до мелкихъ подробностей семейнаго характера. Образъ его мыслей тоже вполне ясенъ изъ его сочиненій. И при самомъ тщательномъ, самомъ придирчивомъ пересмотрѣ этой жизни и этихъ сочиненій нельзя найти не только какихъ-нибудь дѣятельныхъ шаговъ въ направленіи къ Ярославскому княженію, но даже мечтаній объ немъ. Именно по отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ въ этомъ родѣ Соловьевъ и вынужденъ ссылаться на *титулъ* Ярославскаго князя, употреблявшійся Курбскимъ въ перепискѣ. Г. Бестужевъ-Рюминъ придумалъ другую улику: Курбскій «сохраняетъ съ духовникомъ сношенія; у него духовникъ въ Ярославлѣ». Изъ ссылки, которою сопровождается это уличеніе, видно однако только то, что въ «Описи царскаго архива» поминаются «Рѣчи старца отъ Спаса изъ Ярославля, попа Германа, отца духовнаго Курбскаго». Но какія были у Курбскаго сношенія съ духовникомъ, когда они происходили и даже были ли какія-нибудь сношенія,—этого не видно. Ну, а изъ того факта, что у Курбскаго былъ духовникъ въ Ярославлѣ, мудрено заключить о претензіи на Ярославское княжество. Правда, въ письмахъ своихъ Курбскій неоднократно говоритъ о своемъ происхожденіи отъ ярославскихъ князей, доблести которыхъ охотно противопоставляетъ «кровопійственному», какъ онъ говоритъ, роду князей московскихъ. Но, несмотря на горечь, сквозящую въ этихъ родословныхъ и удѣльныхъ воспоминаніяхъ, Курбскій былъ до своего бѣгства вѣрнымъ слугою Іоанна, какъ потомъ такимъ же слугою Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія. Г. Ключевскій справедливо говоритъ, что вся суть писемъ Курбскаго къ Грозному исчерпывается горькимъ вопросомъ: «за что ты бѣешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ?» Курбскій вѣроятно желалъ имѣть вліяніе на дѣла государства и во всякомъ случаѣ негодовалъ на то, что царь не слушаетъ совѣтниковъ, которыхъ онъ, Курбскій, считаетъ людьми мудрыми и благонамѣренными; но все-таки рѣчь идетъ о дѣлахъ единого московскаго государства и о совѣтникахъ царя всея Руси, а не объ удѣльныхъ князьяхъ Ярославскихъ или какихъ другихъ. Курбскій прямо хвалится тѣмъ, что онъ былъ усерднымъ слугою Іоанна и проливалъ за него кровь.

Говорятъ, что Курбскій былъ противникомъ «новаго» въ томъ смыслѣ, что царь сталъ приближать къ себѣ дьяковъ и вообще худородныхъ людей, отстраняя потомковъ древнихъ славныхъ родовъ. И это неправда. Курбскій бранилъ новыхъ приближенныхъ царя, поминая при случаѣ и ихъ худородность, но не за эту собственно худородность, а за то, что они были, по его мнѣнію, людьми дурными и дурно вліявшими. Сильвестра и Адашева, тоже не блиставшихъ родословными, Курбскій не бранилъ, а напротивъ воздавалъ имъ можетъ быть даже преувеличенную хвалу. Несмотря на нѣкоторую аристократическую жилку, Курбскій аргументировалъ въ вѣпросѣ о царскихъ совѣтникахъ отнюдь не съ точки зрѣнія какой-нибудь «старины», а опирался на простые доводы отъ разума и отъ опыта: «Царь добрыми совѣтниками яко градъ претвердыми столпы утверждень, и любяй совѣтъ, любить душу свою, а не любяй совѣтъ исчезнетъ, понеже яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ совѣтомъ и разсужденіемъ». Или: «Царю достоитъ быти аки главѣ и любить мудрыхъ совѣтниковъ, яко свои уды». Или еще: «Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у синклитовъ, но и у *всенародныхъ чловѣкъ*: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Такими же общечеловѣческими соображеніями, одинаково правильными или одинаково неправильными во всѣ времена, Курбскій оправдываетъ и свое бѣгство въ Литву. А о старинномъ правѣ боярскаго отъѣзда, на которомъ онъ будто бы стоитъ, онъ даже не упоминаетъ. Это опять-таки фантазія историковъ.

Напоминаю, что Курбскій былъ въ такомъ положеніи, что ему нечего было бояться высказывать всѣ самыя смѣлыя свои пожеланія и претензіи. Ничто не мѣшало бы ему даже прямо сказать: отдай мнѣ мое ярославское княжество, — и вообще заявить открыто какую нибудь программу политическаго переустройства.

Чрезвычайно любопытно замѣчаніе Курбскаго о совѣтѣ «всенародныхъ чловѣкъ». Это какъ будто не вяжется съ по-

нятіемъ о гордомъ потомкѣ удѣльныхъ князей, какимъ часто рисуютъ Курбскаго; не вяжется и съ обычнымъ представленіемъ о московскихъ боярахъ того времени, противниковъ демократическихъ замысловъ Грознаго. Вообще, хотя апологеты Грознаго постоянно говорятъ, что ихъ герой оклеветанъ исторіей, но въ сущности въ обществѣ наиболѣе распространено именно то мнѣніе, что Грозный, хотя и чрезмѣрно жестокими средствами, но всетаки ко благу Россіи боролся съ своекорыстной олигархіей бояръ. Мы уже слышали это мнѣніе изъ устъ представителей науки и теперь приведемъ его еще въ одной редакціи, а именно г. Бѣлова. Вотъ въ чемъ состоитъ заслуга Грознаго: «Іоаннъ Грозный далъ окончательный перевѣсъ тому элементу, представителями котораго были его отецъ и дѣдъ. Противоположный элементъ, то есть боярскій, былъ приниженъ при его отцѣ и дѣдѣ, но еще настолько былъ силенъ, что въ торжествѣ своемъ отчаяваться не могъ, особенно когда фамиліи князей-бояръ стали сливаться съ потомствомъ старыхъ дружинниковъ. Этотъ важный государственный элементъ того времени, то есть боярство, могло еще найти союзниковъ или въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ еще жили вѣчевыя преданія, или въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ вышли представители княжескихъ фамилій. Поэтому шелъ весьма важный вопросъ, касавшійся будущаго Россіи: который элементъ восторжествуетъ—великокняжескій или боярскій? Въ послѣднемъ случаѣ Россія превратилась бы во вторую Польшу, со всѣми послѣдствіями господства сотни фамилій надъ остальнымъ народонаселеніемъ. Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи». Что, вообще говоря, бояре, правившіе Россіей въ малолѣтство Ивана Грознаго, всячески притѣсняли народъ, насильничали, занимались интригами, даже до прямыхъ дракъ во дворцѣ,—это несомнѣнно. Но, во-первыхъ, это были дикіе личные инстинкты и своекорыстное личное поведеніе, а не политическая программа, до которой бояре не доросли; а во-вторыхъ, всѣ ли перекрещивающіяся и интригующія теченія въ боярствѣ были таковы? Въ первое время малолѣтства Іоанна мы видимъ борьбу, съ переменнымъ счастіемъ, главнымъ образомъ двухъ княжескихъ фамилій—Шуйскихъ и Бѣльскихъ. И вотъ что говорить, между прочимъ,

тотъ же г. Бѣловъ: «Сторона Бѣльскихъ стала господствовать благоразумнѣе; тогда освободили Псковъ отъ Андрея Шуйскаго, предоставивъ гражданамъ право самосуда; уголовныя дѣла стали судить не намѣстники, а цѣловальники, избравшіеся изъ гражданъ. Благоразумная и дальновидная система правленія Бѣльскихъ, стремленіе ихъ освободить города отъ произвола намѣстниковъ, задѣвали своекорыстные расчеты и эгоистическія привычки потомковъ и старшихъ, и младшихъ дружинниковъ, потомковъ и мужей, и отроковъ съ гриднями, задѣвали интересы и бояръ великихъ, и дѣтей боярскихъ, ибо трудно было разстаться съ привычкой, усвоенною ихъ предками въ продолженіе столѣтій, жить на счетъ смердовъ. Противъ кн. Ивана Бѣльскаго и митрополита Іосафа составилъ страшный заговоръ. Лѣтописецъ, съ свойственною лѣтописцамъ наивною, объясняетъ этотъ заговоръ тѣмъ, что государь Бѣльскаго и Іосафа держалъ въ приближеніи; но Іоаннъ въ это время былъ отрокъ, именемъ котораго пользовалась партія для своихъ цѣлей».

Итакъ, по собственному изложенію г. Бѣлова, среди боярскихъ партій, боровшихся за власть въ малолѣтство Грознаго, была одна, страшная и ненавистная боярамъ, какъ боярамъ, а не по личнымъ счетамъ. Значить, нельзя такъ просто, оглуломъ говорить, что будущее Россіи зависѣло отъ того, какой элементъ одолѣетъ, великокняжескій или боярский. Тѣмъ болѣе нельзя, что, по дальнѣйшему изложенію самого г. Бѣлова, «Іоаннъ Грозный въ послѣдствіи возобновилъ мѣры въ пользу народа, за которыя погибли Бѣльскій и его немногочисленная партія». Далѣе читаемъ у г. Бѣлова, что «Сильвестръ имѣлъ связи съ той боярскою партіей, во главѣ которой стоялъ Бѣльскій», и что «уваженіе къ памяти Бѣльскаго было главною причиною приближенія Сильвестра». А если припомнить, что благія дѣла царствованія Іоанна во время отъ московскаго пожара до смерти царицы Настасьи несомнѣнно совершались подъ сильнымъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, то надо, кажется, признать существованіе преемственнаго благого теченія, отнюдь не «боярскаго», то есть аристократическаго или олигархическаго характера, хотя въ немъ участвовали и бояре. Бояръ же Иванъ уличалъ въ потворствѣ Сильвестру и Ада-

шеву. Принявъ все это во вниманіе, пожалуй и нечего удивляться тому, что Курбскій, горячій почитатель худародныхъ Сильвестра и Адашева, памятуя свое высокое происхожденіе, въ то же время рекомендовалъ царю совѣтъ «всенародныхъ человѣкъ».

Отъ XVI вѣка сохранился любопытнѣйшій литературный памятникъ, озаглавленный «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» (см. Павлова «Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI в.» въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1863 г., № 1). Неизвѣстный авторъ влагаетъ разныя свои мысли въ уста преподобныхъ Сергія и Германа. Въ этомъ произведеніи, несомнѣнно боярскаго происхожденія, читаемъ между прочимъ, что «царемъ и княземъ достоинъ изъ міру всякіе доходы съ пощадою собирать и всякія дѣла милосердно дѣлать». Но самое для насъ любопытное мѣсто «Бесѣды» слѣдующее. Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы духовныя власти «благословили царей и великихъ князей на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ високоумныя гордости со христоподобною смиренною мудростію безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добръ распросити царю самому».

Разумѣя именно это мѣсто, г. Ключевскій (въ «Боярской Думѣ») говоритъ: «Если бы доказано было, что публицистъ боярскаго направленія, съ такимъ одушевленіемъ и талантомъ составившій валаамскую «Бесѣду», писалъ до 1550 г., когда созванъ былъ первый земскій соборъ, высокій историческій интересъ получили бы его слова о земскомъ совѣтѣ, и можно было бы думать, что самая мысль объ этомъ учрежденіи вышла изъ круга людей, къ которому по своимъ взглядамъ принадлежали князь Василій Патрикѣевъ, въ иночествѣ Вассіанъ, и потомъ князь А. Курбскій. Во всякомъ случаѣ люди этого круга не желали, чтобы боярству принадлежала монополія власти, и ихъ планъ земскаго совѣта шелъ даже дальше дѣйствительности: они хотѣли, чтобы этотъ совѣтъ былъ постояннымъ собраніемъ, ежегодно обновляемымъ новыми выборами, а не созывался только въ особыхъ экстренныхъ случаяхъ».

Мнѣ кажется, что даже при отсутствіи доказательствъ, что «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» написана до 1550 г., приведенное мѣсто всетаки представляетъ высокій историческій интересъ. Интересъ этотъ тѣмъ значительнѣе, что Іоаннъ Грозный, созвавшій будто бы первый соборъ по собственному почину, нигдѣ въ своихъ «широковѣщательныхъ и многошумящихъ», по выраженію Курбскаго, посланіяхъ не говоритъ ни единого слова о совѣтѣ «всенародныхъ человѣкъ» или собраніи «ото всякихъ мѣръ всякихъ людей». Это вноситъ какую то значительную поправку въ теорію борьбы великокняжеско-демократическаго и боярско-аристократическаго теченій. И во всякомъ случаѣ по малой мѣрѣ вполне гадательны тѣ соображенія историковъ о причинахъ и цѣляхъ созыва первого собора, которыя отправляются отъ мысли о самостоятельномъ починѣ Ивана въ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣнія наши о первомъ земскомъ соборѣ чрезвычайно скудны. Мы знаемъ только, что царь предварительно совѣтовался съ митрополитомъ Макаріемъ; знаемъ, что въ Москву были созваны со всего государства люди «всякаго чина»; знаемъ вступительную рѣчь Іоанна на Лобномъ мѣстѣ и обращеніе его къ Адашеву, какъ бы приглашающее послѣдняго къ сотрудничеству по управленію государствомъ. Дѣянія собора намъ совершенно неизвѣстны, и можно только догадываться, что изъ совѣщаній, на этомъ соборѣ происходившихъ, возникли всѣ послѣдующія государственныя реформы. Вопросъ о происхожденіи собора, вопросъ о томъ, выросъ ли онъ изъ вѣчевыхъ преданій, какъ думаютъ нѣкоторые, или изъ издревле существовавшихъ на Руси церковныхъ соборовъ, или наконецъ зародился самопроизвольно, — есть вопросъ спорный. Но такъ или иначе, а, какъ видно изъ предыдущаго, мысль о соборѣ бродила въ средѣ нѣкоторой части боярства и гдѣ то по близости отъ царскаго трона, изъ чего не слѣдуетъ однако, чтобы это была специально боярская мысль. Свѣдѣнія наши о людяхъ, окружавшихъ Іоанна, и объ ихъ отношеніяхъ къ нему опять таки крайне скудны. Мы вѣдь даже о роли Адашева мало что знаемъ, кромѣ того, что она была вообще значительна, а между тѣмъ въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ Адашеву, Грозный поминаетъ еще какихъ то другихъ людей, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ вмѣстѣ

съ Адашевымъ; но объ этихъ другихъ мы уже ровно ничего не знаемъ, кромѣ общаго указанія Курбскаго на существованіе «избранной рады». По всѣмъ вѣроятностямъ около Іоанна была цѣлая группа благомыслящихъ и опытныхъ людей, вліявшихъ на него или даже прямо дѣйствовавшихъ его именемъ. Очень вѣроятно, что люди эти, близко зная характеръ Іоанна, или по инымъ какимъ нибудь соображеніямъ, сами держались въ тѣни, выдвигая впередъ духовенство—Макарія, Сильвестра, Максима Грека, а тѣ уже оказывали непосредственное давленіе на Іоанна разными крайними средствами: Сильвестръ и Максимъ Грекъ пугали его робкое и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкое воображеніе, какъ онъ самъ потомъ выражался, «дѣтскими страшилами», то есть разными знаменіями, а Макарій, повидимому, стараніемъ насадить въ немъ то высокое понятіе о власти, которое потомъ достигло столь крайней напыщенности.

Надо сказать, что тогдашнее духовенство, при всей грубости и невѣжественности его вообще, выставило нѣсколько образцовъ высокаго характера. Что касается собственно Сильвестра, то защитники самостоятельности Іоанна совершенно напрасно тратятъ время, бумагу, чернила на доказательство благонамѣренной узкости и мелочности автора «Домостроя», которыя, дескать, не позволяютъ придавать очень большое значеніе его, впрочемъ, несомнѣнному вліянію. Во-первыхъ, дѣло было далеко не въ одномъ Сильвестрѣ, который былъ можетъ быть только казовымъ концомъ, точкою приложенія коллективной силы, давившей на Іоанна примѣрно до смерти царицы Настасьи. Во-вторыхъ, достоинства и недостатки Сильвестра совершенно меркнутъ передъ его умѣніемъ пользоваться своимъ духовнымъ авторитетомъ и управлять душой царя при помощи «дѣтскихъ страшилъ». Затѣмъ, если, напримѣръ, г. Бестужевъ-Рюминъ называетъ Максима Грека «другомъ бояръ»; если онъ же подчеркиваетъ то обстоятельство, что митрополитъ Филиппъ «принадлежалъ къ роду боярскому, да еще заподозрѣнному въ смутѣ временъ малолѣтства Грознаго царя»,—то можно бы было одно сказать: хвала той партіи, къ числу друзей которой принадлежать люди въ родѣ Максима, и позоръ тѣмъ, кто нуждается въ убійствѣ людей въ родѣ митрополита Филиппа. Но что собственно значить

слово: Максимъ Грекъ—«другъ бояръ»? Въ числѣ сочиненій Максима есть «Слово, пространне излагающее, съ жалостію, нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія». Слово это написано во время малолѣтства Іоанна Грознаго, то есть боярскаго правленія. Въ немъ Россія изображена въ видѣ женщины, одѣтой въ черныя одежды, плачущей и окруженной множествомъ звѣрей—львовъ, медвѣдей и волковъ. «Слово» направлено прямо противъ бояръ, и, значитъ, не всегда и не со всѣми боярами дружилъ Максимъ. По одному этому историкъ, употребляющій выраженіе «другъ бояръ», ничего этими словами собственно не говоритъ, а только бросаетъ лишній, ни на чемъ не основанный намекъ въ пользу теоріи борьбы великокняжеско-демократическаго и боярско-аристократическаго теченій.

Можно, кажется, съ рѣшительностью утверждать, что въ царствованіе Грознаго не существовало такого политическаго направленія, которое заслуживало бы названія боярскаго. Во времена малолѣтства Грознаго бояре насильничали, грабили, мѣстничали, не радѣли о пользѣ общественной. Все это требовало обузданія, и задачи этой, конечно, хватило бы на вѣкъ Іоанна. Какъ онъ съ ней справлялся, это другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ ему оказалось либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало этого живого, реальнаго дѣла, которое онъ въ рѣчи на Лобномъ мѣстѣ объявилъ своимъ царскимъ дѣломъ, но которое въ дѣйствительности едва ли когда-нибудь принималъ ужъ очень близко къ сердцу. Не говоря о томъ, что насиліямъ и грабежу бояръ онъ противопоставилъ насилія и грабежи опричниковъ, онъ навязалъ боярамъ, какъ боярамъ, политическую программу, которой у нихъ не было. Бояре-грабители и насильники не обнаружили не только государственнаго смысла, благого или злого, но не поднимались даже до пониманія узко-сословныхъ своихъ интересовъ. Они просто насильничали и грабили гдѣ было можно и рвали другъ у друга куски и подставляли другъ другу ноги; объ упроченіи же политическаго преобладанія боярства, какъ сословія, они не думали даже въ такое время, какъ малолѣтство Іоанна, когда задача эта была вполне легко достижима. Не обзавелись они политической программой и впослѣдствіи, когда Іоаннъ рас-

правиль крылья. Приведенныя въ прошлой главѣ пререка-
нія бояръ у одра болѣзни Грознаго ясно свидѣтельствуяютъ,
что оппозиціи московскому единодержавію и самодержавію
среди боярства не было. Позднѣйшія попытки бѣгства изъ
Россіи или измѣны сами по себѣ опять-таки не имѣли харак-
тера политической оппозиціи, — это просто люди свою шкуру
спасали, пусть даже такіе, которые готовы были сами содрать
шкуру съ ближняго и дальняго своего. Я говорю о боярствѣ
вообще. Но, какъ мы видѣли, среди боярства существовало
нѣкоторое особое теченіе, выразившееся уже въ малолѣтство
Грознаго дѣятельностью партіи Бѣльскихъ, а затѣмъ въ пи-
саніяхъ Курбскаго, въ случайно сохранившейся валаамской
«Бесѣдѣ» и можетъ быть еще въ какихъ-нибудь произведе-
ніяхъ, до насъ не дошедшихъ. Нельзя, однако, назвать это
теченіе специально боярскимъ, во-первыхъ, потому, что оно
принимало къ сердцу интересы «всенародныхъ человѣкъ», во-
вторыхъ, потому, что оно охотно принимало въ себя худо-
родные элементы въ родѣ Сильвестра, Адашева и другихъ
неизвѣстныхъ намъ, или даже само растворялось въ этихъ
элементахъ. Это общеніе съ худородными безъ сомнѣнія должно
было облегчить роды мысли о земскомъ соборѣ. Неопытное
политическое мышленіе того времени едва ли ясно предви-
дѣло всѣ послѣдствія «погоднаго собранія ото всякихъ мѣръ
всякихъ людей». Но по всѣмъ видимостямъ здѣсь не было и
помина о какомъ-нибудь конфликтѣ съ царскою властью. Пред-
полагалось не расширеніе политическихъ прерогативъ издревле
существовавшей боярской Думы, а совѣтъ, и именно только
совѣтъ «всенародныхъ человѣкъ». Опытъ перваго собора былъ
удаченъ, потому что безъ сомнѣнія именно на немъ зароди-
лись послѣдующія реформы. Но первымъ же опытомъ дѣло и
кончилось. Второй соборъ, созванный при совершенно иныхъ
обстоятельствахъ, черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ перваго,
имѣлъ чисто специальную и даже почти техническую задачу, —
обсужденіе условій мира, предложенныхъ королемъ литовскимъ.

Если земскій соборъ не сталъ постояннымъ учрежденіемъ,
какъ мечтали нѣкоторые, если онъ даже, собственно говоря,
не повторялся, то «избранная рада» все-таки существовала
еще нѣсколько лѣтъ, и не зачѣмъ говорить о какой-то пере-

мѣнѣ въ характерѣ Іоанна во вторую половину его царствованія, когда ясно, что дѣло въ перемѣнѣ совѣтниковъ. Безъ совѣтниковъ этотъ человѣкъ никогда не обходился. Если Бѣлинскій говорить о «железной волѣ» Іоанна или Соловьевъ—о высокой, не по лѣтамъ степени развитія его воли и т. п., то они отдаютъ невольную дань очень распространенному заблужденію, которое смѣшиваетъ капризную волю съ сильной волей. К. Аксаковъ совершенно правъ, утверждая, что «необузданная воля и отсутствіе воли—одно и то же». Правъ въ значительной степени и Полевой, строящій все объясненіе характера Іоанна на слабости его воли, вслѣдствіе которой онъ легко подчинялся самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, легко «повиновался», но грозно возмущался противъ всякаго нравственнаго давленія, когда какой нибудь случай открывалъ ему глаза и онъ доходилъ до сознанія своей подчиненной роли. Наставленіе Вассіана Топоркова не держать совѣтниковъ умнѣе или вообще сильнѣе себя непременно должно было придти въ душѣ Грозному, потому что оно и безъ того блѣдными штрихами безсознательнаго чувства было начертано въ самой душѣ Іоанна. Всякій могъ хозяйничать въ этой душѣ, но подъ условіемъ, чтобы Іоаннъ не замѣчалъ этого, чтобы слѣдовательно хозяйничающій былъ достаточно уменъ или просто ловокъ, хитеръ, пронырливъ. Достоинъ вниманія, что эту слабость воли такъ или иначе вынуждены признать даже тѣ изъ историковъ, которые наиболѣе настаиваютъ на самостоятельности Грознаго. Такъ Самаринъ совершенно голословно отрицаетъ «постороннія вліянія, будте бы управлявшія Іоанномъ», но тутъ же говоритъ о «какомъ-то безсиліи и непостоянствѣ его воли». Соловьевъ, пользующійся каждымъ случаемъ подчеркнуть самостоятельное и сознательное служеніе Іоанна идеѣ государства, но уже по обилію фактовъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, не могущій вовсе отрицать постороннія вліянія, говоритъ, между прочимъ, о «женственности» характера Іоанна. Выраженіе это не понравилось Погодину,—дескать, вся жизнь Грознаго свидѣтельствуется, что женственности въ его характерѣ никакой не было. Конечно, если разумѣть подъ женственностью нѣжность сердца и мягкость пріемовъ, такъ ее не найдешь въ Грозномъ. Но не это разумѣть

Соловьевъ. Слабость воли Грознаго маскировалась тѣми взрывами бурнаго и жестокаго негодованія, которымъ онъ предавался, когда замѣчалъ, что на него хотятъ имѣть вліяніе. Ему можно было до поры до времени и съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей «шептать во ухо» все, что угодно: можно было нашептать и земскій соборъ, и опричнину, и составленіе Судебника, и полную безсудность всея Руси. Но чѣмъ слабѣе былъ Іоаннъ внутренно, тѣмъ важнѣе былъ для него внѣшній ореолъ власти. Безъ сомнѣнія, очень угодилъ ему и надолго обезпечилъ себѣ вліяніе на него тотъ, кто вывелъ его родословную отъ римскихъ цезарей (можетъ быть это былъ Макарій). А Филиппъ, желавшій сначала только «печаловаться» предъ царемъ за невинныхъ, погибъ, и не спасли его ни высокій санъ митрополита, ни святость жизни, ни высокое благородство характера. «Печаловаться»—это уже казалось Іоанну покушеніемъ на его власть. Онъ зналъ одно: жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить тоже вольны. И когда намъ говорятъ, что Іоаннъ спасъ Россію отъ какой-то страшной будущности, то одной невинной крови Филиппа достаточно для того, чтобы забрызгать эту страницу русской исторіи до невозможности прочесть на ней что нибудь свѣтлое и радостное. Но не одного Филиппа раздавилъ Грозный.

Вы помните аргументацію Кавелина: «Все то, что защищали современники Іоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищалъ Іоаннъ IV, развилось и осуществлено». Изъ этого Кавелинъ заключаетъ о живучести мысли и дѣла Іоанна, а живучесть свидѣлствуетъ о правотѣ дѣла... Какъ будто живуча только правда! И какъ будто въ послѣдующей русской исторіи не было ни кроваваго сумбура смутнаго времени, ни всего прочаго! Допустимъ, что Иванъ IV истребилъ плевелы, хотя это по малой мѣрѣ сомнительно, но достоверно, что онъ истребилъ также и пшеницу.

VIII.

Трудное время переживала Русь въ XV и XVI столѣтіяхъ. Необыкновенно сложные и запутанные обстоятельства исто-

рического момента вызывали вообще брожение, равное которому, по глубинѣ и обширности, рѣдко выпадало на долю человѣческихъ обществъ.

Важнѣйшимъ политическимъ фактомъ XV—XVI столѣтій было окончательное объединеніе Руси подъ крыломъ Москвы. Никто, конечно, не представляетъ себѣ этого процесса совершенно мирнымъ, безъ сучка и задоринки. Но едва ли все-таки большинству вполне ясно рисуется трудная, болѣзненная сторона процесса объединенія, сложенія государства. Не только сѣверныя республики и не только удѣльные князья противились преобладанію Москвы, этого «многокрылаго орла, у котораго крылья исполнены львовыхъ когтей»; не для однихъ псковичей «правда взлетѣла на небо, а кривда начала ходить по землѣ» въ моментъ торжества Москвы. Но процессъ настолько уже назрѣлъ, что все шло ему на пользу,—и покорность и сопротивленіе, и доблесть и низость, и событія, не имѣвшія на первый взглядъ никакого отношенія къ спеціально московскимъ политическимъ дѣламъ. Къ числу такихъ событій относятся въ XV вѣкѣ Флорентійскій соборъ и завоеваніе турками Константинополя. Неудача флорентійской уніи и паденіе Царьграда наводили русскую религіозную и патристическую мысль на то соображеніе, что только на Руси сохранилась истинная вѣра, истинное православіе во всей полнотѣ, чистотѣ и независимости. Естественнымъ охранителемъ этой единоспасающей вѣры является глава возникающаго русскаго государства. Въ этомъ направленіи ореола московскихъ владыкъ эксплуатировало общественное настроеніе духовенство, издревле благоволившее къ Москвѣ. Въ XVI вѣкѣ ореолъ этотъ получилъ новый блескъ отъ принятія ими титула царскаго и отъ побѣдъ надъ Казанью и Астраханью, каковыя побѣды должны были произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на умы современниковъ: къ подножію Москвы падали остатки грозной, чудовищной силы, долго державшей всю Русь подъ своей басурманской пятой. Восторженное настроеніе выразилось характернымъ мистическимъ пророчествомъ: «два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не быть». Такимъ образомъ Москвѣ пророчилась та всемірно историческая роль, которую играли Римъ и Византія.

Въ то же время сложилось и другое пророчество: «Писано въ апокалипсисѣ: пять царей минуло, а шестой есть, но еще не пришелъ; шестымъ же царемъ именуютъ царя Руси; онъ то и есть шестой, потомъ еще седьмой, а восьмой антихристъ». Поставленные рядомъ, эти два пророчества хорошо характеризуютъ тревожное состояніе тогдашнихъ русскихъ людей. Съ одной стороны первые проблески объединеннаго національнаго сознанія горделиво тѣшились всякимъ возвышеніемъ чести представителя и главы молодого государства. Титулъ царя и самодержца былъ выраженіемъ единства, величія, независимости націи, какъ бы чуднымъ зеркаломъ, въ которое она могла на себя любоваться, ибо оно не отражало ея экономической, гражданской и культурной убогости. Съ другой стороны, именно этотъ самый ростъ центральной власти, невиданный, небывалый, пугалъ воображеніе. Всякіе виды видали русскіе люди—и междоусобія князей, и татарское иго, и всяческую домашнюю тѣсноту, но того, что začínалось и крѣпло въ Москвѣ, они еще не видали. Такъ, по глубоко-вѣрному замѣчанію К. Аксакова, возникло новое царство изъ-подъ развалинъ двухъ разрушенныхъ царствъ—татарскаго и византійскаго. Совокупленные воедино, атрибуты этихъ двухъ царствъ казались чѣмъ-то нечеловѣческимъ, сверхестественнымъ, однимъ изъ яркихъ знаменій «послѣднихъ дней». Неопытной мысли представлялось, что только развѣ передъ концомъ міра могла сложиться такая страшная власть.

Надо замѣтить, что вѣрованіе въ приближающійся конецъ міра было вообще очень распространено въ XV—XVI столѣтіяхъ, и не только въ невѣжественныхъ массахъ: ему не чужды были и церковные сановники, и образованнѣйшіе люди своего времени, какъ Максимъ Грекъ и Курбскій. Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ отсовѣтывалъ отцу Грознаго, великому князю Василию, разводиться съ женой на томъ основаніи, что не стоитъ жениться—близокъ послѣдній день земли. Въ массахъ-же чуть не каждая стихійная бѣда и разныя крутыя мѣры правительства вызывали трепетное ожиданіе конца міра. Какъ на грѣхъ, XV—XVI вѣка были необыкновенно богаты физическими бѣдами, каковы повальныя болѣзни, истреблявшія народъ десятками тысячъ, засухи, неурожаи. Далѣе,

несмотря на сверженіе татарскаго ига и на позднѣйшее завоеваніе Казани и Астрахани, Русь далеко не раззнакомилась съ татарами. Крымцы не разъ доходили до самой Москвы, все раззоряя и выжигая на своемъ губительномъ пути. Существовалъ даже спеціальнѣй налогъ на выкупъ плѣнныхъ, тысячами уводившихся въ Крымъ. На западѣ происходили постоянныя столкновенія съ Литвой и Ливоніей. Русскій человекъ не зналъ, можно сказать, дня спокойнаго, потому что долженъ былъ постоянно быть насторожѣ. Своимъ чередомъ шли обычныя житейскія неправды, развратъ, притѣсненія всякаго слабаго всякимъ сильнымъ. Экономическое положеніе народа было ужасно. Военная организація была построена на раздачѣ земель въ помѣстья съ обязанностью выходить въ поле съ соотвѣтственнымъ числомъ ратниковъ, и съ этою цѣлью Иванъ III принимаетъ первыя мѣры противъ свободнаго перехода крестьянъ. Мужикъ, отдувавшійся за весь государственный блескъ и всѣ государственныя бѣды, шелъ въ холопы, то есть продавалъ свою свободу при Иванѣ III за рубль, при Грозномъ—за три рубля. Для многихъ пребываніе въ мѣрѣ, переполненномъ ежечасными тревогами и бѣдствіями, было въ своемъ родѣ не менѣе страшно, чѣмъ конецъ міра. Кто былъ поудалѣе, да поглубѣе, тотъ шелъ на большую дорогу, кто былъ посмирнѣе, да потоньше—въ монастырь.

Волненіе умовъ, выразившееся преимущественно въ религіозной формѣ, было необыкновенно. Не говоря уже о томъ, что въ огромной массѣ населенія еще не вполне завершилась борьба христіанства съ язычествомъ, о чемъ свидѣлствуютъ обличенія Стоглава и проповѣдниковъ, мы видимъ всевозможныя сомнѣнія и колебанія въ средѣ людей, наиболѣе удалившихся отъ язычества. Іосифъ Волоколамскій писалъ: «Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей землѣ ересь, отнели-же возсія православія солнце, нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноцѣи и мѣрстѣи и вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаются». Кромѣ этого болѣе или менѣе общаго броженія, одно за другимъ слѣдуютъ опредѣленныя, законченныя еретическія ученія, проникая иногда даже до самыхъ вершинъ общества—до царскаго дворца и митрополичьяго престола. Необыкновенно трогательная форма, въ ко-

торой жаждущіе правды обращаются къ людямъ, общающимся имъ разрѣшеніе ихъ сомнѣній, свидѣтельствуешь о глубокой взволнованности душъ. Такъ, еретикъ Башкинъ проситъ своего духовника: «Бога ради пользуй мя душевно». Такъ, смущаемые ученіемъ Θεодосія Косого молятъ Зиновія: «Бога ради не отрини отъ себя, не скрой пользы, рцы како спастися»; «Бога ради скажи намъ истину, новое ученіе, какъ ты мниши, есть ли божественно?» Съ такою же мольбою о духовной помощи приступали и къ пріѣзжему ученому чело-вѣку, Максиму Греку.

Конечно, огромное большинство погрязало въ полуязыческой обрядности или жило изо-дня въ день, не поднимая глазъ къ небу. Но всё, сколько нибудь затронутые духовными интересами, такъ или иначе, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, сталкивались съ взбаломученнымъ моремъ сомнѣній. Одни, пастыри и учителя церкви, старались по мѣрѣ силъ утихомирить это море, другіе смѣло бросались въ его волны. Но и между представителями церкви отнюдь не было единомыслія. Такъ, задолго до Стоглава возгорѣлась знаменитая борьба изъ-за вотчинныхъ правъ монастырей, въ которой ломали полемическія копья такіе верхи тогдашняго православія, какъ Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ. Столь же горячая полемика вызывалась вопросомъ объ отношеніяхъ къ еретикамъ. Объемъ царской власти также не былъ вполне установленъ съ религіозной точки зрѣнія. Надо еще замѣтить, что въ XV—XVI столѣтіи вопросы вѣры представляли единственное убѣжище для пытливыхъ умовъ, вслѣдствіе чего всё сомнѣніе даже чисто житейскаго, практическаго характера по необходимости склонны были облекаться въ формы сомнѣній религіозныхъ. Мы не можемъ, конечно, знать, чѣмъ именно былъ натолкнутъ Башкинъ на свой религіозный скептицизмъ, но во всякомъ случаѣ его волновали общественно-нравственные вопросы. Въ первой же своей исповѣди попу Симеону онъ говоритъ: «сказано — возлюби ближняго своего, какъ самого себя, а мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братіей нарицаетъ, а у насъ на иныхъ и кабалы». Ученіе бѣглаго раба Θεодосія Косого отрицало не только догматъ Троицы, безсмертіе души, воплощеніе Христа,

поклоненіе иконамъ и проч., но и повиновеніе свѣтскимъ властямъ, налоги, самую надобность во властяхъ. Такимъ образомъ ересь Косого, имѣвшая, повидимому, не мало сторонниковъ, колебала все православное ученіе и весь современный политическій строй.

Читатель не заподозритъ меня въ смѣшной претензіи исчерпать, хотя бы бѣгло, всѣ стороны русскаго быта XV—XVI столѣтій. Приведеннаго съ насъ достаточно, чтобы вполне признать справедливость словъ Соловьева: «вѣкъ задавалъ важные вопросы». Но едва ли можно согласиться со второй половиной предложенія: «а во главѣ государства стоялъ человекъ, по характеру своему способный немедленно приступить къ ихъ (важныхъ вопросовъ) рѣшенію».

Существуетъ историко-политическая схема, по которой центральная монархическая власть является естественнымъ союзникомъ низшихъ классовъ, такъ что совокупнымъ давленіемъ вершины и основанія общественнаго строя сдерживается чрезмѣрное развитіе промежуточныхъ слоевъ. Этимъ промежуточнымъ слоемъ является въ однихъ случаяхъ—аристократія, въ другихъ — буржуазія, во всякомъ случаѣ общественный элементъ, обладающій корпоративнымъ сознаніемъ, экономически или политически-сильный, свободолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ своекорыстный, то есть эксплуатирующій принципъ свободы въ свою исключительную пользу. Отсюда двойственность: аристократія, стремясь ограничить монархическую власть во имя свободы, въ то же самое время изо всѣхъ силъ держится за рабство или крѣпостное право; буржуазія, требуя, во имя той же свободы, невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, въ то же время держитъ рабочаго въ замаскированномъ рабствѣ; монархическая же власть стремится, въ виду собственныхъ интересовъ, къ демократическому равенству всѣхъ подданныхъ.

Схема эта безъ сомнѣнія имѣетъ за себя фактическое оправданіе въ нѣкоторые моменты исторіи. За нее, повидимому, и самая логика вещей, такъ какъ всякому среднему политическому термину естественно бороться съ обѣими прилегающими сторонами, а имъ въ свою очередь естественно вступать, по крайней мѣрѣ время отъ времени, въ коалицію.

На дѣлѣ, однако, далеко не всегда такъ бываетъ и въ каждомъ частномъ случаѣ надлежитъ очень и очень вглядываться во взаимное отношеніе политическихъ элементовъ, прежде, чѣмъ располагать ихъ въ означенную схему. Мнѣ кажется, что передъ большинствомъ историковъ, славословящихъ Грознаго, носится или носилась эта красивая, ясная, простая схема и носилась вполнѣ отвлеченно, въ видѣ именно красиваго логическаго построенія, свободнаго отъ всякаго живого политическаго смысла. Образчикомъ можетъ служить Кавелинъ. Увлечшись отвлеченнымъ теоретическимъ построеніемъ, очень остроумнымъ, въ общихъ чертахъ вѣрнымъ и очень близкимъ къ вышеприведенной схемѣ, Кавелинъ утверждалъ, напр., что Иванъ IV поставилъ личную заслугу на мѣсто начала породы. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, Иванъ былъ, напротивъ, большимъ почитателемъ начала породы, а если онъ окружалъ себя, рядомъ съ родовитыми князьями Вяземскимъ, Гвоздевымъ и т. п., худородными людьми, какъ Басмановы, Грязные, то вѣдь смѣшно же говорить о личныхъ заслугахъ этихъ изверговъ, шпіоновъ и шутовъ. Если Иванъ и подавилъ людей породы, то на мѣсто ихъ водворилъ, во всякомъ случаѣ, не личную заслугу, а развѣ безличность. И живой политическій смыслъ несомнѣнно подсказалъ бы это историку. А кромѣ того, огромная личность Грознаго, огромная отнюдь не внутренними достоинствами, а въ качествѣ центра событій великихъ и позорныхъ, давить воображеніе историковъ и лишаетъ ихъ мысль возможности свободно и логически двигаться. Я думаю, что, въ концѣ концовъ, къ этимъ двумъ источникамъ сводятся всѣ, поистинѣ странныя, ошибки апологетовъ Грознаго, но распространяться объ этомъ не буду.

Не буду распространяться и о вышеприведенной схемѣ по существу. Замѣчу только, что ко времени Грознаго на Руси не существовало аристократіи въ европейскомъ смыслѣ слова. Существовало боярство, и солено отъ него приходилось народу, но бояре дѣйствовали каждый самъ за себя, будучи совершенно лишены корпоративнаго сознанія. Ни о какихъ свободахъ бояре и не помышляли, тѣснились около трона въ качествѣ холоповъ и представляя собою полное ничтожество въ государственномъ смыслѣ. Бояре же, какъ Курбскій, спо-

собные думать о чемъ нибудь, кромѣ своего кармана и завтрашняго дня, не противопоставляли себя «всенароднымъ чело­вѣкамъ» и охотно сливались съ благомыслящими худородными элементами. Бояре были, но боярскаго принципа при Грозномъ не было. Онъ явился, когда неслыханныя несчастія русской земли, въ значительной степени обусловленные дѣ­тельностью Грознаго, заставили бояръ сплотиться, когда яви­лись цари изъ среды бояръ и когда бояре стали брать съ царей обязательства не править безъ ихъ, боярскаго, участія. Этому торжеству боярскаго принципа Грозный не помѣшалъ, онъ подготовилъ его.

Насъ увѣряютъ, что Грозный сознательно шелъ къ извѣст­нымъ государственнымъ цѣлямъ и если не достигъ ихъ, то не по своей винѣ, а по винѣ Россіи, не готовой воспринять его великія идеи: одинъ Грозный высится надъ тупой и косной средой тогдашней Руси. Справедливо, однако, замѣчаетъ даже такой почитатель государственнаго ума Грознаго, какъ Со­ловьевъ, что одного митрополита Филиппа было бы достаточно, чтобы снять эту клевету съ Россіи. Среда, выставившая та­кого чело­вѣка, не заслуживаетъ огульнаго упрека въ тупости и косности. Но не въ одномъ Филиппѣ дѣло.

Мы видѣли, какъ глубоко волновалась религіозная мысль тогдашней Руси, какъ жадно, страстно и смѣло искала эта мысль истину. Какъ же относился къ этимъ вопросамъ Гроз­ный, блиставшій кстати и не кстати своею богословскою на­читанностью? Никакъ не относился, они для него не суще­ствовали. Степень его религіознаго пониманія хорошо харак­теризуется его знаменитою бесѣдою съ Поссевиномъ. Пони­мая, что ему не совладать съ ученымъ іезуитомъ, и вовсе не интересуясь сущностью дѣла, Иванъ ограничилъ свою поле­мику замѣчаніями въ родѣ того, что Поссевинъ, будучи «рим­ской вѣры попомъ», брѣетъ бороду и что папа носитъ крестъ «ниже пояса—на сапогѣ», и что это свидѣтельствуе­тъ про­тивъ латинской вѣры. Въ спорѣ съ протестантомъ Рогитою онъ также уклонялся отъ существа дѣла подъ тѣмъ предло­гомъ, что не подобаетъ «метать бисеръ передъ свиньями», и лишь щеголялъ остротами, что «Лютеръ—лють». Какъ это безконечно далеко отъ сомнѣній и волненій, слегка намѣчен-

ныхъ въ началѣ этой главы! Человѣкъ голой обрядности, аккуратно справлявшій церковныя службы и набивавшій себѣ подтеки на лбу на молитвѣ, Иванъ никогда не поднимался до живого религіознаго чувства и истинно религіозныхъ вѣрованій и сомнѣній, которыя, однако, были хорошо знакомы многимъ изъ его современниковъ.

Въ томъ же разговорѣ съ Поссевиномъ Грозный блеснулъ и своею ученостью, а именно, процитировавъ пророчество: «отъ Еѳіопіи предварится рука ея къ Богу», объяснилъ, вѣроятно къ немалому увеселенію іезуита, что Еѳіопія все равно, что Византія. Въ писаніяхъ своихъ Грозный постоянно съ такою же смѣлостью шагаетъ черезъ представляющіяся ему препятствія. Нельзя не признать въ этихъ писаніяхъ извѣстной талантливости, но это талантъ чисто внѣшній, талантъ виртуоза-стилиста, прикрывающій крайнюю скудость мысли. Грозный озабоченъ главнымъ образомъ не тѣмъ, чтобы дѣйствительно убѣдить своего противника, а чисто словесной, риторской побѣдой. Онъ придирается къ словамъ, отвѣчаетъ на мысль словами, имѣющими къ ней чисто внѣшнее, грамматическое отношеніе, играетъ словами, словами срываетъ зло сердца своего. Это производитъ иногда просто эстетически непріятное впечатлѣніе, въ особенности, когда царь ругается «собаками» и т. п., а иногда создаетъ даже комическіе эффекты, надъ которыми нельзя не улыбнуться, хотя отъ нихъ сплошь и рядомъ отдаетъ человѣческою кровью. Такъ, въ первомъ же письмѣ своемъ къ Курбскому онъ задаетъ бѣглецу удивительный вопросъ: если ты праведенъ и добродѣтеленъ, такъ отчего же ты не хотѣлъ умереть отъ моей руки смертью мученика, «еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе»? «Почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?» И приводитъ Курбскому въ примѣръ поведеніе вѣрнаго слуги его Василія Шибанова, котораго онъ же, Иванъ, и замучилъ! Въ томъ же письмѣ, отвѣчая на разные упреки Курбскаго, Иванъ пишетъ: ты грозишь мнѣ судомъ Божиимъ на томъ свѣтѣ; это—манихейская ересь: Господь властвуетъ на небеси и на землѣ. Ты говоришь, что убитые мною стоятъ у престола Всевышняго и жалуются на меня: опять ересь, потому что, какъ го-

ворить апостоль, Бога никто видѣть не можетъ. Любопытно, что, исписавъ подобнымъ празднословіемъ и многословіемъ цѣлую книгу, Иванъ кончаетъ такъ: умолкаю, потому что Соломонъ не велитъ много говорить съ безумцами. Поверхностная виртуозность натуры Грознаго можетъ быть лучше всего сказывается въ этомъ празднословіи. Не могъ же онъ не понимать, что предложеніе Курбскому «вѣнецъ жизни наслѣдiti» совершенно безцѣльно и ни въ чемъ Курбскаго не убѣдитъ; что вездѣсущіе Божіе и слова апостола о невозможности видѣть Бога не суть возраженія на упреки Курбскаго въ жестокости и убійствахъ. Но онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи придратъсѣ къ слову, всадить по этому поводу своему противнику словесную шпильку, не имѣющую никакого отношенія къ предмету бесѣды, и при этомъ щегольнуть своею, весьма впрочемъ сомнительною, богословскою начитанностью. Читатель благоволитъ кстати припомнить виртуозную безцѣльность жестокаго издѣвательства въ письмѣ Грознаго къ Василю Грязному.

Благородный тонъ писемъ Курбскаго, ихъ истинное краснорѣчіе, то скорбное, то негодующее, отгнѣняютъ «широковѣщательныя и многошумящія» посланія Грознаго съ особенною для послѣднихъ невыгодою. Что же касается содержанія писемъ Грознаго, то, какъ уже замѣтили безпристрастные историки, все оно исчерпывается однимъ положеніемъ, которое Иванъ лишь переворачиваетъ на разные лады, «сѣмо и овамо», да уснащаетъ различными риторическими украшеніями: «жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить вольны же». Это, если не единственная государственная идея Грознаго, то во всякомъ случаѣ центральная, къ которой примыкаютъ всѣ его другіе взгляды какъ на внѣшнія, такъ и на внутреннія дѣла. Одинъ изъ предковъ Ивана IV, великій князь Василій Дмитріевичъ, хорошо выразилъ программу всѣхъ московскихъ владыкъ въ словахъ, сказанныхъ имъ митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любви учить, мнѣ же имѣніе собирать и возноситься». Иванъ IV лишь придалъ особенную, кроваво-безумную цвѣтистость этой программѣ. Въ немъ, дѣйствительно, билась, отмѣченная К. Аксаковымъ, художественная жилка, отвлеченно-художественная,

лишенная всякой нравственной основы, и просто «имѣніе собирать и возноситься» ему было мало. Нуженъ былъ еще блескъ, картинность, художественное упоеніе властью. Но главнымъ опредѣляющимъ факторомъ жизни и дѣятельности Грознаго была всетаки не художественность натуры, а несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомерною властью, недаромъ пугавшею современниковъ.

Я уже упоминалъ о показаніи г. Викторова («Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ»), что «есть положительныя указанія и даже психіатрическіе разборы, что Іоаннъ страдалъ одною изъ формъ *moral insanity*». Я не нашелъ этихъ психіатрическихъ разборовъ, до такой степени не нашелъ, что склоненъ думать, что г. Викторовъ ошибся, увлекшись вполне естественною мыслью, что такіе разборы непременно должны бы были быть *). И дѣйствительно, удивительно, что ихъ нѣтъ. Нѣкоторые историки (Карамзинъ, Костомаровъ) отмѣчали мимоходомъ сходство Грознаго съ римскими цезарями Тиверіемъ, Калигулой, Клавдіемъ, Нерономъ, а объ этихъ послѣднихъ имѣется въ Европѣ цѣлая психіатрическая литература. Русскій психіатръ, который пожелалъ бы заняться Грознымъ, нашелъ бы прежде всего въ его, повидимому, врожденной кровожадности (еще ребенкомъ онъ забавлялся мучительствомъ животныхъ), въ несомнѣнномъ слабоуміи его брата Юрія, въ жестокости его старшаго, убитаго имъ сына Ивана, въ скудоуміи его другого сына Ѳедора,—намеки на отягченную психопатическую наслѣдственность. Затѣмъ, хотя историки-апологеты ищутъ и находятъ оправданіе подозрительности Іоанна въ поведеніи и настроеніи бояръ, но нѣкоторыя его выходки въ этомъ направленіи отмѣчены уже несомнѣнною печатью болѣзни. Таково, напримѣръ, его намѣреніе бѣжать въ Англію, для чего онъ даже вступалъ въ спеціальныя переговоры съ королевою Елизаветою, жалуюсь на измѣны и заговоры, не дающіе ему спокойно жить въ Россіи. Таково его завѣщаніе 1572 г. Только что разгромивъ Новгородъ и Псковъ и совершивъ потомъ казни въ Москвѣ, причѣмъ погибли и его любимцы Басмановъ и Вяземскій,

*) Писано до появленія книжки г. Ковалевскаго.

Грозный пишетъ въ завѣщаніи: «изгнанъ я отъ бояръ, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ»... Это не простая ложь, это явная манія преслѣдованія. Вообще въ цѣломъ рядѣ поступковъ Ивана IV, въ которыхъ историки-апологеты старательно разыскиваютъ слѣды великихъ государственныхъ плановъ, специалистъ-психіатръ, я увѣренъ, найдетъ лишь слѣды разстроеннаго духа. Для этого впрочемъ, пожалуй, и не надо быть специалистомъ-психіатромъ.

Въ нѣмецкой литературѣ, для обозначенія особенностей душевнаго состоянія вышеупомянутыхъ римскихъ цезарей, существовалъ специальный терминъ «Cäsarenwahnsinn». Какъ специально психіатрической терминъ, это выраженіе, если не ошибаюсь, нынѣ совсѣмъ оставлено, да и едва ли есть надобность въ установленіи столь частнаго вида мономаніи. Но этотъ терминъ есть можетъ быть лишь простой переводъ соответственнаго французскаго выраженія, употребленнаго безъ научно-психіатрическихъ претензій еще въ началѣ сороковыхъ годовъ историкомъ Шампаньи («Les césars»). Говоря о Калигулѣ и отмѣтивъ его эпилепсію, страданіе безсонницей, явно безумные поступки, Шампаньи указываетъ на чудовищную обширность власти, доставшейся знаменитому римскому тирану, какъ на одно изъ условій его душевнаго расстройства. Слабая голова Калигулы не выдержала положенія всемірнаго владыки, не знавшаго ни географическихъ границъ своимъ владѣніямъ, ни какихъ бы то ни было границъ своей власти надъ имуществомъ, жизнью и честью жителей всего не-варварскаго міра. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что ему «позволено все относительно всѣхъ» и, войдя во вкусъ, объявилъ наконецъ себя богомъ, и его таковымъ признали. Г. Якоби («Etudes sur la sélection») остроумно развиваетъ, углубляетъ и обставляетъ научнымъ аппаратомъ мысль Шампаньи. Въ примѣненіи къ тѣмъ же римскимъ цезарямъ онъ доказываетъ, что столь исключительная въ исторіи человечества власть уже сама по себѣ составляла условіе психопатическаго развитія, ибо, приучая къ мгновенному исполненію каждаго желанія, каждаго каприза, каждой фантазіи, атрофировала дѣятельность задерживающихъ центровъ и, такъ сказать, развивчивала, разслабляла цезарское я. Якоби говоритъ, между

прочимъ, о новости и невыработанности идеи государства, какъ объ одномъ изъ условій, благопріятствовавшихъ психическому разстройству римскихъ цезарей. Шампаньи въ томъ же смыслѣ говорить о сравнительной новости, во время Калигулы, положенія цезарей. Ново было и положеніе Грознаго. Это не былъ, конечно, цезаризмъ, хотя любопытно всетаки отмѣтить, что Грозный производитъ себя отъ римскихъ цезарей и считаетъ себя даже какъ бы преемникомъ Августа (онъ имъ и былъ по духу, — замѣчаетъ Соловьевъ). Во всякомъ случаѣ московское царство при Грозномъ отнюдь не было монархіей въ томъ смыслѣ, какой выработала позднѣйшая исторія. Мы видѣли, что, крайне надменно обращаясь съ королями шведскимъ и польскимъ, Грозный лишь турецкаго султана признавалъ равнымъ себѣ по достоинству. Не одного впрочемъ султана. Упорно и долго отказываясь величать Стефана Баторія въ грамотахъ «братомъ» и настаивая на титулѣ «сосѣдъ», онъ въ то же время величалъ татарскихъ хановъ «братьями» и, значитъ, признавалъ ихъ равными ему царями. Вообще типъ азіатскаго владыки представлялся ему выше, значительнѣе, чѣмъ типъ европейскаго государя. Въ особенности презиралъ онъ Баторія. Быстрые успѣхи Баторія привели Іоанна къ столь же крайней униженности. Посламъ своимъ, отправленнымъ для переговоровъ о мирѣ, Іоаннъ далъ наказъ уступить почти всю Ливонію, терпѣть отъ Баторія и поляковъ всякую невѣжливостъ, брань, *даже побои*. Но и въ эту минуту страшнаго униженія Руси Грозный не забывалъ своихъ преимуществъ передъ Баторіемъ. Посламъ была преподана забавная хитрость: «Если паны станутъ говорить, чтобы государя царемъ не писать, и за этимъ дѣло остановится, то посламъ отвѣчать: государю нашему царское имя Богъ далъ, и кто у него отниметъ его? Государи наши не со вчерашняго дня государи, извѣчные государи. Если же станутъ спрашивать: кто же это со вчерашняго дня государь? — отвѣчать: мы говоримъ про то, что нашъ государь не со вчерашняго дня государь, а кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ». Такимъ образомъ, испрашивая унижительнаго мира, Иванъ всетаки хотѣлъ кольнуть Баторія его «со вчерашняго дня государствомъ», но кольнуть такъ, чтобы

можно было, если бы Баторій разсердился, по простонародному выраженію, въ кусты юркнуть. Но дѣло въ томъ, что Иванъ IV именно и былъ «со вчерашняго дня государемъ», въ томъ смыслѣ, что онъ первымъ изъ московскихъ великихъ князей вѣнчался на царство. Идеи царя и царства еще только нарождались, воспринимая въ себя и атрибуты азіатскихъ владыкъ, падавшихъ къ ногамъ новаго царя, и атрибуты византійскихъ императоровъ, блюстителей истинной вѣры и преемниковъ всемірнаго римскаго владычества. Все это еще только складывалось, опредѣлялось; открывались новые, еще смутные, но огромные и пугающіе своею огромностью горизонты. И не даромъ русскіе люди со страхомъ ждали «последнихъ дней»: горизонты вскружили голову Ивану IV.

Сравнивая начало и конецъ царствованія Грознаго, Карамзинъ говорить, что «мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, еслибы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ». Приэтомъ исторіографъ замѣчаетъ, что «Калигула 8 мѣсяцевъ, а Неронъ 4 или 5 лѣтъ были, какъ извѣстно, примѣрными вѣнценосцами». Можно бы было думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ недосыгаемая для смертныхъ, помрачающая умъ высота всемірныхъ владыкъ или смутныя аспираціи на такую высоту лишь съ теченіемъ времени дѣлали свое разлагающее дѣло. Оно, конечно, такъ и есть. Но относительно Грознаго дѣло осложняется еще тѣмъ, что онъ былъ великимъ княземъ, хотя и номинальнымъ, съ трехъ лѣтъ. Бояре, правда, дѣлали, что хотѣли, но и ему предоставляли дѣлать, что онъ хочетъ, поощряя его, повидимому, отъ природы дурныя склонности и тѣмъ окончательно разслабляя его и безъ того слабую волю. Митрополиту Макарію, Сильвестру, «избранной радѣ» удалось погнуть эту слабую волю въ добрую сторону, внушивъ Ивану высокое понятіе объ обязанностяхъ христіанскаго государя и предоставивъ его несомнѣннымъ ораторскимъ дарованіямъ блестящее поприще на Лобномъ мѣстѣ, передъ боярами, на Стоглавомъ соборѣ, въ лагерѣ подъ Казанью. Иванъ тѣшился этою ролью, Русь крѣпла, росла, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и непомерная гордость Ивана. Вознесенный удачами, лестью и собственными аппетитами превыше всѣхъ

земнородныхъ, сравниваемый то съ Августомъ, то съ Константиномъ Великимъ, Иванъ въ одинъ несчастный для Россіи день понялъ, что не онъ былъ инициаторомъ совершившихся великихъ дѣлъ, что онъ совершилъ ихъ по указкѣ попа Сильвестра да «собаки» Адашева съ братіей. Понятны страшные взрывы его гнѣва. Конечно, онъ тотчасъ же попалъ подъ другія вліянія; эти вліянія уже не звали его къ великимъ дѣламъ, но не мѣшали ему лично «возноситься» надъ несчастною Русью. Въ его развинченной душѣ не осталось ничего, кромѣ идеи и даже не идеи, а ощущенія всемогущества, которому онъ приносилъ все въ жертву. Каждая мелькнувшая въ его головѣ или внушенная какимъ-нибудь Грязнымъ или Басмановымъ мысль немедленно превращалась въ дѣйствіе, минуя всякіе задерживающіе центры. Гнѣвъ на сына въ ту же минуту разрѣшается убійственнымъ ударомъ костью. Дикая фантазія посадить на престолъ всея Руси татарина Симеона Бекбулатовича тотчасъ же осуществляется. Взглядъ на красивую женщину,—и она становится его второю, третьей, пятой, седьмой женой. Пользы и нужды молодого объединеннаго государства не существуютъ. Девлетъ-Гирей выжигаетъ Москву, Баторій наноситъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ, а царь хлопочетъ только о томъ, чтобы уколоть Баторія его малымъ королевскимъ достоинствомъ, да добиваетъ недобитыхъ воеводъ и совѣтниковъ, замѣняя ихъ шпионами, грабителями и кровопійцами. Добиваетъ же онъ воеводъ и совѣтниковъ не потому, что они изменники, даже не по той причинѣ, по которой онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему персидскимъ шахомъ слона. Слонъ пострадалъ за то, что заупрямился стать передъ царемъ на колѣна, а бояре и весь русскій народъ дѣлали это охотно. Доставалось отъ Грознаго и сѣрному народу, но боярамъ доставалось дѣйствительно больше, единственно однако потому, что они были виднѣе, цвѣтнѣе, все равно какъ Калигула ненавидѣлъ высокихъ людей: просто они бросались въ глаза. Если же Грозный создалъ легенду о принципиальной борьбѣ съ боярствомъ, то извѣстно, что маньяки иногда подыскиваютъ чрезвычайно замысловатые объясненія для своихъ совершенно бессмысленныхъ поступковъ. Но кто же прини-

маеть эти объясненія въ серъезъ? Изреченіе Калигулы: «мнѣ позволено все относительно всѣхъ» и любимая мысль Грознаго: «жаловать своихъ холоповъ мы вольны, а и казнить вольны же» — тождественны.

Есть однако важное различіе между римскими тиранами и Иваномъ IV. Исторія не оставила намъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы Калигула или Неронъ угрызались когда-нибудь совѣстью; Грознаго же эта страшная гостья посѣщала. Наглотавшись крови и чувственныхъ наслажденій, Грозный временами каялся, надѣвалъ смиренную одежду, молился за убіенныхъ. Можетъ быть здѣсь была извѣстная доля лицемерія или все той же душевной развинченности; можетъ быть дѣло объясняется разницей въ положеніи римскихъ цезарей и Ивана Грознаго: Иванъ всетаки не былъ всемірнымъ владыкой и Курбскій легко нашелъ убѣжище въ Литвѣ, тогда какъ римскому Курбскому некуда было дѣваться. Какъ бы то ни было, но Грозный шатался изъ стороны въ сторону, отъ грѣха къ покаянію. По недостатку мѣста я не могу, къ сожалѣнію, говорить объ этой любопытной сторонѣ личной трагедіи Грознаго. Скажу одно: если самого Грознаго посѣщали муки совѣсти за совершенныя имъ злодѣйства и безумства, то почему же историки-апологеты не прислушались къ этому голосу совѣсти ихъ героя, почему они не вѣрятъ въ этомъ случаѣ ему самому?

Герой безвременья.

I.

1814 г., октября 2-го, «въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Ѳедора Николаевича Толя, у живущаго капитана Юрія Петровича Лермонтова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ съ дьячкомъ Яковомъ Ѳедоровымъ. Крещень того же октября 11-го дня. Воспріемникомъ былъ господинъ коллежскій ассессоръ Ѳома Васильевичъ Хотяинцевъ, воспріемницей была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елисавета Алексѣевна Арсеньева».

Такъ значитъ въ метрической книгѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, въ Москвѣ. Справка эта была опубликована лишь въ 1873 г. г. Розонымъ въ *Русской Старинѣ*. До тѣхъ же поръ и годъ, и число мѣсяца, и даже мѣсто рожденія Лермонтова показывались въ разныхъ біографіяхъ различно. Да и послѣ приведенной справки разнорѣчивость показаній не совсѣмъ исчезла, такъ что еще въ 1891 году въ одной провинціальной газетѣ былъ поставленъ «открытый вопросъ нашимъ библіографамъ» — «когда родился М. Ю. Лермонтовъ?» Это характерно для скудости, сбивчивости и малоизвѣстности біографическихъ свѣдѣній о Лермонтовѣ вообще. За послѣднее время впрочемъ въ нашихъ историческихъ, а частію и общихъ журналахъ, вмѣстѣ

со многими неизданными стихотворениями Лермонтова, появилось довольно много отрывочныхъ біографическихъ данныхъ. Уясняя ту или другую фактическую подробность изъ жизни поэта, данные эти однако мало прибавляютъ къ общимъ и кореннымъ чертамъ его духовной фізіономіи, и въ этомъ отношеніи главный источникъ біографіи поэта составляетъ его собственная поэзія. Поэтъ въ высшей степени субъективный, лишь очень рѣдко, хотя и блистательно выступавшій въ роли созерцателя, Лермонтовъ на всѣ свои произведенія клалъ рѣзкую печать своей индивидуальности, вносилъ всюду самого себя, свою личность, не хотѣлъ или не могъ отъ нея отдѣлиться. Весь процессъ его духовнаго роста, всѣ даже мимолетныя его настроенія отражались въ его поэзіи. Еще Боденштедтъ замѣтилъ: «Важнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ». Нельзя однако вполне согласиться съ тѣми мотивами, которыми нѣмецкій переводчикъ нашего поэта поддерживаетъ свою очень вѣрную мысль. Онъ думаетъ, что въ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ «выказывается вполне такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться». Это и вѣрно, и невѣрно. Нисколько не сомнѣваясь въ искренности лермонтовской поэзіи, признавая ея высокую біографическую цѣнность, надо все-таки съ большою осторожностью черпать изъ нея біографическій матеріалъ, именно потому, что въ ней отражались даже мимолетныя его настроенія.

Лермонтовъ сталъ поэтомъ очень рано, 13—14 лѣтъ. Но еще раньше онъ проявляетъ свои художественныя наклонности въ другихъ формахъ. А. П. Шангирей, вспоминая раннее дѣтство поэта, пишетъ: «Мишель былъ мастеръ дѣлать изъ талаго снѣга человѣческія фигуры въ колоссальномъ видѣ; вообще онъ былъ счастливо одаренъ способностями и искусствомъ; уже тогда рисовалъ акварелью довольно порядочно и лѣпилъ изъ крашенаго воска цѣлыя картины; охоту за зайцемъ съ борзыми, которую разъ всего пришлось намъ видѣть, вылѣпилъ очень удачно, также переходъ черезъ Граникъ и сраженіе при Арбеллахъ, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусомъ, и косами изъ фольги. Проявленія же по-

этического таланта въ немъ вовсе не было замѣтно въ то время; всѣ сочиненія по заказу Сарет (учителя) онъ писалъ прозой и нисколько не лучше своихъ товарищей» («Русское Обозрѣнiе», 1890, № 8). Съ теченiемъ времени зачаточные таланты живописца и скульптора не то что исчезли,—рисовать Лермонтовъ продолжалъ (не чуждъ былъ онъ и музыки),—а, такъ сказать, обогатили собою талантъ поэта, придавъ его описанiямъ необыкновенную яркость и выпуклость. Восхищаясь пейзажами въ поэзи Лермонтова, гр. Ростопчина справедливо замѣчаетъ: «онъ, самъ хорошiй пейзажистъ, дополнялъ поэта живописцемъ» («Русская Старина», 1882, № 9). Бѣлинскiй говоритъ, между прочимъ, о «Трехъ пальмахъ»: «Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркiй блескъ восточныхъ красокъ сливаются въ этой пьесѣ поэзи съ живописью; это картина Брюлова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее». Но прежде, чѣмъ изобразить предметъ, положенiе, сцену, надо этотъ предметъ или сцену вообразить. И къ необыкновенной изобразительной способности Лермонтова, въ которой такъ счастливо и чудно сплелись разнородные таланты, баловница-природа прибавила еще даръ могучаго воображенiя и быстрой мысли.

Въ одномъ дѣтскомъ стихотворенiи (1828 г.) Лермонтовъ писалъ:

Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу...

Лермонтовъ былъ именно таковъ. Онъ самъ подсмѣивался надъ своею «страстью повсюду оставлять слѣды своего существованiя»,—писалъ въ особыхъ тетрадяхъ, на клочкахъ бумаги, на стѣнахъ. Существуетъ однако мнѣнiе, немногими впрочемъ, кажется, раздѣляемое, что онъ писалъ трудно. «Лермонтовъ ищетъ, сочиняетъ, улаживаетъ; разумъ, вкусъ, искусство указываютъ ему на средство округлить фразу, усовершенствовать стихъ; но первоначальная мысль постоянно не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется; даже и теперь въ полномъ собранiи его сочиненiй попадаетъ тотъ же стихъ, та же строфа, та же идея, вставленная въ совершенно разныхъ пьесахъ» (гр. Ростопчина). Последнее совершенно спра-

ведливо: Лермонтовъ безъ всякой церемоніи переносилъ строфы и цѣлые ряды строфъ изъ одного своего произведенія въ другое и нерѣдко возвращался къ темамъ или даже прямо стихамъ, уже эксплуатированнымъ раньше. Но въ большинствѣ случаевъ это отнюдь не результатъ колебанія или неопредѣленности первоначальной мысли, которая можно замѣтить лишь въ очень немногихъ, большихъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ въ «Демонѣ». Къ счастью, мы знаемъ, по рассказамъ современниковъ, какъ были написаны по крайней мѣрѣ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова. Знаемъ, напримѣръ, какъ создавалась «Вѣтка Палестины». Ожидая себѣ грозы за стихотвореніе на смерть Пушкина, Лермонтовъ зашелъ къ А. Н. Муравьеву поговорить по этому дѣлу и не засталъ его. Дождавшись, онъ увидѣлъ привезенныя Муравьевымъ изъ Палестины пальмовыя вѣтви и тутъ же, на клочкѣ бумаги, написалъ стихотвореніе, помѣщаемое нынѣ во всѣхъ хрестоматіяхъ. Сидя по тому же дѣлу подъ арестомъ, Лермонтовъ велѣлъ приносимую ему провизію завертывать въ сѣрую бумагу и на этихъ клочкахъ, «съ помощью вина, печной сажи и спички», написалъ нѣсколько пьесъ, а именно: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою», «Кто бы ни былъ ты, печальный мой сосѣдь», и передѣлалъ старую пьесу «Отворите мнѣ темницу», прибавивъ къ ней послѣднюю строфу «Но окно тюрьмы высоко». По свидѣтельству Хвостовой и другихъ, такъ же быстро и цѣльно выливались у Лермонтова стихи и въ ранней юности. Это гарантируетъ ихъ искренность. Поэтъ, долго обдумывающій и отдѣлывающій свои произведенія, можетъ быть, конечно, вполне искрененъ, но можетъ также настолько отдѣлиться отъ своего первоначальнаго впечатлѣнія или настроенія, что передача ихъ уже утратитъ свою свѣжесть, явится передъ нами съ поправками позднѣйшаго анализа. Поэтъ можетъ быть самъ не въ состояніи будетъ по совѣсти сказать, такъ ли онъ воспринялъ извѣстное явленіе, извѣстный моментъ жизни, какъ они выразились въ его стихахъ. Не то у Лермонтова: каждое его стихотвореніе представляетъ собою, такъ сказать, фотографію его душевнаго состоянія въ данную минуту. Но бѣда въ томъ, что подобная моментальная фотографія можетъ захватить и такіа

мимолетныя душевныя состоянія, которыя вовсе не характерны. Мало ли что пробѣгаетъ въ головѣ человѣка, въ особенности человѣка молодого, неустановившагося, а вѣдь Лермонтовъ, начавъ писать стихи 13—14 лѣтъ, и всего-то 27-ми лѣтъ не прожилъ. За десятокъ съ небольшимъ годовъ его творческой дѣятельности, въ ней можно найти не мало противорѣчій, при томъ такихъ, которыя зависятъ не отъ того, что молодое растетъ, старое старится и съ теченіемъ времени и само себя отрицаетъ, не отъ опредѣленнаго, правильнаго роста, а отъ чисто случайныхъ причинъ. Граціознѣйшая въ мірѣ женщина можетъ случайно принять очень неграціозную позу, и если моментальная фотографія фиксируетъ ее въ этой позѣ, то это не будетъ ложь, но не будетъ и правда въ смыслѣ общей характеристики. Если умнѣйшій человѣкъ будетъ записывать все, что промелькнетъ въ его мозгу въ теченіе хотя бы только одного дня, въ его записяхъ навѣрное окажется не мало глупостей, но это не помѣшаетъ ему быть умнымъ человѣкомъ. Если впечатлительный поэтъ фиксируетъ свои даже мимолетныя настроенія на бумагѣ, если онъ въдобавокъ, какъ Лермонтовъ, обладаетъ пылкою и яркою фантазіей, которая расцвѣчаетъ не только пережитое, а и воображаемое, то критика должна очень старательно отличать здѣсь временное и случайное отъ постояннаго и характернаго. Несмотря однако на вытекающія отсюда трудности, мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется совершенно невозможнымъ даже внѣшнимъ образомъ отдѣлить фактическую біографію Лермонтова отъ его поэтическаго наслѣдія,—они слишкомъ переплетаются, поясняя и дополняя другъ друга.

Предокъ русской фамиліи Лермонтовыхъ, Юрій Лермонтъ, вышелъ изъ Шотландіи сначала въ Польшу, а потомъ, въ 1633 г., въ Московское государство, гдѣ и получилъ вотчины въ Галицкомъ уѣздѣ. Въ числѣ шотландскихъ предковъ Лермонтова не безынтересно отмѣтить полу-легендарнаго поэта-пророка XIII вѣка Томаса Лермонта, которымъ очень интересовался Вальтеръ-Скоттъ. Преданіе приписываетъ этому Томасу Лермонту необыкновенныя, сверхъестественныя дарованія: въ юности онъ пробылъ семь лѣтъ въ царствѣ фей, гдѣ получилъ дары поэтическаго творчества и прорицанія и

куда подь конецъ жизни долженъ былъ опять вернуться при чрезвычайно поэтической обстановкѣ. На этотъ сюжетъ Вальтеръ-Скоттъ написалъ балладу. Мы имѣемъ свидѣтельства, что Лермонтовъ очень рано познакомился съ поэтическими произведеніями Вальтеръ-Скотта, но упомянутой баллады, равно какъ и положенной въ ея основаніе легенды, очевидно, не зналъ. Иначе величаво-таинственный образъ Томаса Лермонта, конечно, вдохновилъ бы его. Въ юности Лермонтовъ, повидимому, раздѣлялъ заблужденіе, существующее и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ фамиліи Лермонтовыхъ, что они происходятъ отъ герцога Лермы, бѣжавшаго въ Шотландію. Подъ нѣкоторыми письмами онъ подписывался М. Легга и рисовалъ сначала на стѣнѣ углемъ, а потомъ на полотнѣ масляными красками поясной портретъ человека въ средне-вѣковомъ испанскомъ костюмѣ, съ цѣпью ордена Золотого Руна на шеѣ, — можетъ быть это былъ предполагаемый испанскій предокъ. Но это еще вопросъ, а что Лермонтовъ, по крайней мѣрѣ временами, интересовался въ юности именно своимъ шотландскимъ происхожденіемъ, тому есть доказательства въ его поэтическомъ наслѣдіи. Къ 1830 г. относится стихотвореніе «Гробъ Оссіана», къ 1831 г. — стихотвореніе «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной». Здѣсь говорится о «горахъ Шотландіи моей», о желаніи «задѣть струну шотландской арфы», о замкѣ предковъ, о висящихъ на древней стѣнѣ «наслѣдственномъ щитѣ и заржавленномъ мечѣ» и проч. Второе изъ названныхъ стихотвореній кончается такъ:

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!

На самомъ дѣлѣ очень сомнительно, чтобы въ Лермонтовѣ сохранилось хоть что нибудь шотландское по крови, навѣрное ничего не было специально шотландскаго по духу, и русскіе снѣга, среди которыхъ онъ будто бы «увядалъ» въ шестнадцать лѣтъ, отнюдь не были ему чужды въ какомъ бы то ни было отношеніи. Упомянутыя стихотворенія интересны, однако, какъ свидѣтельство рано сказавшейся мечтательности и силы фантазіи, хватающей за каждый намекъ, чтобы

начать свою красивую работу. На подлинникъ стихотворенія «Гробъ Оссіана» сдѣлана замѣтка: «узнать отъ путешественника описаніе сей могилы». Случайнаго разсказа какого-то путешественника, въ связи съ какими нибудь столь же случайными разговорами о шотландскихъ предкахъ, достаточно было, чтобы пылкая фантазія заработала на подсунутую ей случаемъ тему, чтобы Шотландія стала отчизной, а Россія чужбиной. Но затѣмъ фантастическая шотландская отчизна уже ни разу болѣе не появляется въ стихахъ Лермонтова, да и въ томъ же 1831 г., къ которому относится стихотвореніе «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной», Лермонтовъ писалъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Спрашивается, какое же біографическое значеніе могутъ имѣть двѣ вспышки шотландскаго патріотизма? Никакого, кромѣ свидѣтельства, что юный Лермонтовъ умѣлъ совершенно проникнуться положеніемъ воображаемаго «послѣдняго потомка отважныхъ бойцовъ» Шотландіи, передъ которымъ отчетливо рисуются замокъ предковъ, ихъ щиты и мечи. Необыкновенная отчетливость всей этой созданной воображеніемъ картины такъ сильно дѣйствуетъ на поэта, что онъ въ ту минуту искренно видитъ въ себѣ «послѣдняго потомка»: онъ подавленъ своимъ собственнымъ могучимъ воображеніемъ. А между тѣмъ толчокъ всей этой работѣ данъ чистою случайностью. Въ ранней молодости, когда мысль еще не направлена жизнью въ какое нибудь опредѣленное русло, подобныхъ случайныхъ толчковъ должно было, конечно, быть особенно много. Поэтому-то о раннихъ произведеніяхъ Лермонтова такъ часто и слышатся суровые приговоры не только относительно формы, но и относительно содержанія. Заподозрѣвается именно ихъ искренность.

Приведа послѣсловіе къ одному изъ набросковъ «Демона», Дудышкинъ говоритъ: «Человѣкъ, который по *шестнадцатому году* (курсивъ Дудышкина) писалъ такіе стихи о себѣ, конечно, не могъ писать ихъ иначе, какъ вслѣдствіе подражательности. Чтобы видѣть въ мірѣ одну несправедливость, вся-

кое отсутствіе гармоніи и потомъ перенести эту дисгармонію сначала на душу человѣка, а потомъ на все общество; сдѣлать изъ этой идеи—идеаль, наконецъ этотъ идеаль облечь прелестью презрѣнія ко всему... согласитесь, что до этого сознанія Лермонтовъ не могъ достигнуть, будучи 14 лѣтъ, а все это уже видно въ первомъ очеркѣ «Демона» («Ученическія тетради Лермонтова», «Отечественныя Записки», 1859, № 7).

А. П. Шангирей, хорошо знавшій поэта, пишетъ въ цитированной выше статьѣ: «Вообще большая часть произведеній Лермонтова съ 1829 по 1833 г. носитъ отпечатокъ скептицизма, мрачности и безнадежности, но въ дѣйствительности чувства эти были далеки отъ него. Онъ былъ характера скорѣй веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился живостью своего остроумія и склонностью къ эпиграммамъ; часто посѣщалъ театры, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ: бабушка въ немъ души не чаяла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его, такъ сказать, на рукахъ; особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность?» Шангирей думаетъ, что все это было дѣломъ лишь моды и подражанія Байрону.

Можно бы было привести и еще подобные же отзывы. Но для насъ особенно любопытны показанія Шангирея, товарища дѣтства Лермонтова и очевидца его развитія. Это вѣдь ужъ, кажется, свѣдущій человѣкъ. И однако этотъ свѣдущій человѣкъ рѣшается утверждать, что «особенно чувствительныхъ утратъ Лермонтовъ не терпѣлъ», тогда какъ мы знаемъ, что онъ потерялъ мать по третьему году и отца, будучи уже юношей, способнымъ чувствовать и понимать, какъ не всякій взрослый. Мы знаемъ далѣе, что семейная обстановка, въ которой росъ Лермонтовъ, отнюдь не изъ однихъ розовыхъ лепестковъ и лебяжьяго пуха состояла, хотя бабушка въ немъ дѣйствительно души не чаяла. Сначала между родителями поэта, а потомъ, послѣ смерти матери, между отцомъ и бабкой его происходила какая то затяжная и тяжелая драма. Въ чемъ она состояла, въ точности неизвѣстно, да, пожалуй, не любопытно. Важно только, что она была и тяжело отзы-

валась на ребенкѣ, а эту тяжесть онъ въ свою очередь передавалъ бумагѣ перомъ. Въ юношеской лирикѣ Лермонтова бабушка не поминается, но мать и отецъ являются не одинъ разъ, и всегда съ трагической стороны: «Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ»; «Я сынъ страданья, мой отецъ не зналъ покоя по конецъ, въ слезахъ угасла мать моя»; «Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ. Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ, ты въ людяхъ только зло извѣдалъ»; «Ужасная судьба отца и сына—жить разнo и въ разлукѣ умереть... Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ, постигнуть ты желанною кончиной! Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной! Но ты простишь мнѣ... Я-ль виновенъ въ томъ, что люди угасить въ душѣ моей хотѣли огонь божественный, отъ самой колыбели горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ? Однакомъ тщетны были ихъ желанья: мы не нашли вражды одинъ въ другомъ, хоть оба стали жертвою страданья... Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ, ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ?»

Въ юношескихъ драмахъ мать не фигурируетъ, но за то является на сцену бабушка, и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются подробности и мотивы по крайней мѣрѣ второй половины тяжелой семейной исторіи, очевидно глубоко волновавшей поэта. Первая половина этой исторіи—размолвка родителей—можетъ быть навсегда осталась не вполне ему ясной, какъ неясна она и для насъ. Можетъ быть онъ и впоследствии узналъ немногимъ больше того, что онъ потерялъ мать «въ младенческихъ лѣтахъ», и что она «въ слезахъ угасла». Слышалъ онъ, вѣроятно, на этотъ счетъ разное и ни на чемъ опредѣленномъ не остановился. Распря между отцомъ и бабушкой была ему гораздо болѣе извѣстна, потому что онъ могъ уже самъ и наблюдать и оцѣнивать. Болѣе извѣстна она и намъ.

Мать Лермонтова умерла въ февралѣ 1817 г. Умерла она въ пензенскомъ имѣніи своей матери, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, Тарханахъ, въ присутствіи своего мужа. Но вдовецъ пробылъ въ Тарханахъ, послѣ ея смерти, только девять дней и уѣхалъ въ другое имѣніе, оставивъ трехлѣтняго сына на попеченіи бабушки, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и крестною матерью его. Вскорѣ однако вдовецъ потребовалъ сына

къ себѣ. Сохранилось письмо Сперанскаго отъ 5-го іюня того же 1817 г. къ брату Арсеньевой, Аркадію Столыпину: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ; таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть всякъ, кто Елизаветѣ Алексѣевнѣ, воплощенной кротости и терпѣнію, рѣшится дѣлать оскорбленіе» («Русскій Архивъ» 1870 г., стр. 1136). Объ отцѣ Лермонтова мы почти ничего достовѣрно не знаемъ, ни хорошаго, ни худаго, а аттестаціи Сперанскаго можемъ и не вѣрить, такъ какъ она основана на «говорятъ» и вѣрнѣе всего на показаніяхъ бабки поэта, Е. А. Арсеньевой, въ данномъ случаѣ лицомъ заинтересованнымъ и едва ли безпристрастнымъ. Какъ бы то ни было, Арсеньева безъ ума любила своего внука и не хотѣла отдавать его отцу, изъ-за чего между ними происходили ссоры и пререканія. Преданіе, сообщаемое г. Висковатовымъ, сохранило слѣдующую любопытную подробность этой распри. Когда Юрій Петровичъ (отецъ Лермонтова) пріѣзжалъ въ Тарханы навѣстить сына, то тотчасъ же посылались на почтовыхъ гонцы въ Саратовскую губернію за братомъ бабушки, Аѳанасіемъ Столыпинымъ, «звать его на помощь для защиты, на случай отнятія» («Русская Мысль» 1881 г., № 12). Черта эта, любопытная и сама по себѣ, становится еще интереснѣе въ виду того, что она цѣликомъ воспроизводится въ юношеской драмѣ Лермонтова «Menschen und Leidenschaften»:

Василій Михалычъ. Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшнія подлые сосѣдки... получили посредствомъ ханжества довѣренность Марѣ Ивановны; сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходятъ же люди до такого сумашествія!

Юрій. Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣлъ полного права надо мной, развѣ я не его собственность?... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣтаетесь надо мною...

Василій Михалычъ. Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день прискакалъ...

Уже одно это частное совпаденіе ясно говорить объ автобіографическомъ значеніи драмы «Menschen und Leidenschaften». Главный же узелъ этой драмы выраженъ въ словахъ, съ которыми ея юный герой, Юрій Волинъ, обращается къ своему другу Заруцкому: «Ты знаешь, что у моей бабушки, у моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадетъ». Это живое, реальное ядро драмы обставлено разными искусственными подробностями напыщенно романтическаго характера, и вообще вся драма представляетъ собою нѣчто совершенно дѣтское. Но собственно положеніе молодого человѣка между двухъ огней, между бабушкой и отцомъ, намѣчено хорошо и правдиво. Вообще всѣ четыре извѣстныя намъ юношескія драмы Лермонтова построены на мотивахъ семейныхъ раздоровъ, хотя и не вездѣ тѣхъ, какіе онъ могъ видѣть около себя. Затѣмъ въ той же драмѣ «Menschen und Leidenschaften» очень неискусно выполнена, но живо и правдиво задумана самая фигура бабушки. Эту смѣсь ханжества, помѣщичьей жестокости и искренней любви къ внуку 15—16-лѣтній мальчикъ не могъ выдумать, какъ бы ни была могуча его фантазія, потому что въ этой фигурѣ нѣтъ ничего фантастическаго; не могъ и изъ книгъ вычитать, потому что такихъ книгъ не было. Списалъ ли онъ эту бабушку съ своей собственной бабушки, неизвѣстно, потому что съ этой стороны мы не имѣемъ объ его бабушкѣ свѣдѣній. Роль Марѣы Ивановны въ семейной драмѣ и нѣкоторыя внѣшнія черты сходства (Марѣа Ивановна ходитъ, опираясь на палку,—бабука поэта, по рассказамъ, тоже опиралась на палку) заставляютъ думать, что это такъ. Но она ли или кто другой послужилъ оригиналомъ для Марѣы Ивановны, а изъ драмы видно, что юнаго поэта коробило отъ пощечинъ и плетей, раздаваемыхъ крѣпостной дворнѣ. Тотъ же мотивъ находитъ себѣ, хотя опять-таки неискусное, но сильное выраженіе въ драмѣ «Станный человѣкъ»,—въ жалобахъ крестьянъ на звѣрскую жестокость помѣщицы.

Такимъ образомъ дѣтство Лермонтова прошло среди впечатлѣній, несомнѣнно тяжелыхъ. Конечно, съ иного они могли бы сойти, какъ съ гуся вода, но въ душѣ юнаго поэта они оставляли явственно болѣзненные слѣды. Отсюда мрачный ха-

рактёръ даже его юношеской поэзіи. Отъ Галахова до г. Спасовича цѣлый рядъ писателей старался опредѣлить вліяніе на Лермонтова другихъ поэтовъ, главнымъ образомъ, Байрона. Другой рядъ критиковъ, отъ Боденштедта до г. Острогорскаго, не отрицая слишкомъ очевиднаго вліянія Байрона, находилъ, однако, что тонъ поэзіи Лермонтова вполне объяснимъ и безъ этого вліянія. «Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе, нежели въ Байронѣ»,—говоритъ Боденштедтъ. И я думаю, что онъ правъ. Въ поэзіи Лермонтова, въ особенности, конечно, ранней, юношеской, можно найти много напускного, навѣяннаго со стороны какою нибудь случайностью. Образчикомъ можетъ служить хоть бы тотъ же внезапный шотландскій патріотизмъ, который какъ скоро пришелъ, такъ скоро и ушелъ. Но изъ этого слѣдуетъ только, что, устанавливая связь между личною жизнью Лермонтова и его произведеніями, надо прежде всего опредѣлить наиболѣе постоянные и наиболѣе часто звучащіе аккорды его поэзіи.

II.

Не надо быть послѣдователемъ Карлейля съ его культомъ «героевъ», чтобы признать фактъ существованія людей, по самой природѣ своей призванныхъ вести другихъ за собой, стоять впереди другихъ. Это однако отнюдь не непременно благодѣтели человѣчества (какъ думалъ Карлейль), или своей родины, или просто окружающихъ людей. Они могутъ быть и таковыми, но точно также могутъ представлять собою исходные пункты огромныхъ золъ, потому что могутъ вести за собою толпу на злое дѣло и быть, по старинному образному выраженію, настоящими «бичами божіими». Ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны допустить въ прирожденныхъ властныхъ людяхъ или герояхъ возможность значительныхъ умственныхъ и нравственныхъ изъязновъ: зло, ими распространяемое, очевидно, составляетъ результатъ либо ошибочнаго пониманія, узкости кругозора, односторонности мысли, вообще какого нибудь умственного недостатка, либо нравственной извращен-

ности, недостатка нравственного. И, действительно, историк свидѣтельствуешь, что во главѣ того или иного движенія, энергически воздѣйствуя на своихъ современниковъ, соотечественниковъ, соплеменниковъ, сотрудниковъ, сотоварищей, становятся иногда люди ограниченные, а иногда жестокіе, мелочно самолюбивые, развратные. Обращаясь къ самому понятію героя, какъ вожака, какъ перваго въ своемъ родѣ человѣка, которому безотчетно повинуются или за которымъ безотчетно слѣдуютъ другіе, мы увидимъ, что добродѣтели могутъ его и не украшать, онѣ не составляютъ необходимой его принадлежности. Быть можетъ единственное нравственное качество, безусловно необходимое «герою», есть смѣлость. Но и то, это такое качество, которому не легко точно указать мѣсто въ ряду добродѣтелей. Нѣкоторыя выдающіяся умственные качества — если не глубокий умъ и широкій полетъ мысли, то по крайней мѣрѣ быстрота соображенія, извѣстный тактъ въ сношеніяхъ съ людьми, извѣстные таланты, — повидимому, обязательны для прирожденныхъ властныхъ людей. Не говоря однако о томъ, что обязательный минимумъ ихъ умственныхъ силъ можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе незначителенъ, нетрудно видѣть, что центръ тяжести «героя» во всякомъ случаѣ лежитъ не въ области ума. Герой есть прежде всего представитель инициативы, человѣкъ почина, перваго шага, энергической воли и мгновенной или постоянной рѣшимости. Все остальное, какъ въ его собственной личности, такъ и въ характерѣ предпринятаго имъ дѣла, есть сцѣпленіе побочныхъ обстоятельствъ, — герой можетъ быть ума гениальнаго или посредственнаго, блистать добродѣтелями или грязнеть въ порокахъ, равнымъ образомъ и дѣло его можетъ быть велико или ничтожно, благотворно или вредоносно. Все это, разумѣется, можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе съ разныхъ другихъ точекъ зрѣнія; но когда мы хотимъ выдѣлить основныя, типически необходимыя черты героя, то на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена его роль человѣка, держащаго совершить то, передъ чѣмъ другіе колеблются, и затѣмъ превращающаго это колебаніе въ покорность. У героя, съ одной стороны, и у слѣдующихъ за нимъ или повинующихся ему, съ другой, должна быть нѣкоторая общая почва,

иначе невозможно было бы ихъ взаимодействіе; въ составъ этой общей почвы могутъ входить разнообразныя умственныя и нравственныя элементы. Но затѣмъ есть нѣчто, рѣзко отдѣляющее героя отъ толпы, рѣзко выдвигающее его впередъ. Это нѣчто состоитъ въ томъ, что герой дерзаетъ и владѣетъ. Дерзать и владѣть есть такая же специфическая внутренняя потребность героя, какъ потребность творчества въ поэтѣ или потребность философскаго обобщенія въ мыслителѣ. Въ какія бы условія ни былъ поставленъ прирожденный властный человѣкъ, онъ, какъ паукъ паутину, безсознательно, инстинктивно плететъ сѣть для уловленія и подчиненія себѣ людскихъ сердецъ,—удачно или неудачно для себя лично, на благо или во вредъ другимъ.

Если мы будемъ искать въ лермонтовской поэзіи ея основной мотивъ, ту центральную ея точку, которая всего чаще и глубже занимала поэта и къ которой прямо или косвенно сводятся если не всѣ, то большинство его произведеній, то найдемъ ее въ области героизма. Съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденного властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную. Слѣды этого преобладающаго и всю поэзію Лермонтова окрашивающаго интереса не такъ замѣтны въ лирикѣ, потому что сюда вторгаются разныя мимолетныя впечатлѣнія, которыя, на мгновеніе всецѣло овладѣвъ поэтомъ, отступаютъ потомъ назадъ, чтобы болѣе уже не повторяться или даже уступить мѣсто совершенно противоположнымъ настроеніямъ. Мы уже видѣли образчикъ этой переменчивости настроеній во внезапной вспышкѣ шотландскаго патріотизма. Что же касается настоящаго русскаго патріотизма Лермонтова, то достаточно сравнить стихотворенія «Опять народные вѣтѣи» и «Родина» («Люблю отчизну я, но странною любовью»). Рѣзкая разница между этими двумя стихотвореніями естественно объясняется лежащимъ между ними десятилѣтнимъ промежуткомъ (1831 и 1841 гг.), въ теченіе котораго поэтъ выросъ до неузнаваемости. Однако и въ лирикѣ, среди этихъ внезапныхъ, быстро гаснущихъ вспышекъ и противорѣчій, объясняемыхъ естественнымъ ходомъ развитія, выше-

указанный основной мотивъ даетъ себя знать постоянно, такъ что и здѣсь помимо него трудно подвести итоги лермонтовской поэзіи. Но въ поэмахъ, повѣстяхъ и драмахъ дѣло во всякомъ случаѣ яснѣе.

Нечего и говорить о «Демонѣ». Этотъ фантастическій образъ существа, когда то дерзнувшаго совершить высшее, единственное въ своемъ родѣ преступленіе—возстать на самого Творца и который затѣмъ втеченіе вѣковъ «не встрѣчалъ сопротивленья» въ подвластныхъ ему милліонахъ людей, этотъ образъ достаточно всѣмъ знакомъ и достаточно ясно говоритъ самъ за себя. Достоинство вниманія и упорство, съ которымъ Лермонтовъ работалъ надъ «Демономъ», постоянно его исправляя и дополняя. Одновременно съ первоначальнымъ очеркомъ «Демона» писалась прозаическая повѣсть, неоконченная, оставшаяся даже безъ заглавія. Позднѣйшіе издатели даютъ ей названіе «Горбунъ» или «Горбачъ Вадимъ». Герой этой повѣсти есть тотъ же Демонъ, только лишенный фантастическихъ атрибутовъ и притомъ физически безобразный. Онъ, какъ Демонъ, богохульствуетъ, какъ Демонъ, переполненъ ненависти и презрѣнія къ людямъ, какъ Демонъ, готовъ отказаться отъ зла и ненависти, если его полюбитъ любимая женщина. А главное, Вадимъ, какъ Демонъ, имѣетъ таинственную власть надъ людьми. Эта черта обрисовывается на первой же страницѣ повѣсти, когда Вадимъ появляется въ толпѣ нищихъ у монастырскихъ воротъ. «Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда, они уважали въ немъ какой то величайшій порокъ, а не безграничное несчастье, демона, но не человѣка». Горбачъ Вадимъ «долженъ бы былъ родиться всемогущимъ или вовсе не родиться». Онъ былъ «духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій». Любопытно описаніе глазъ Вадима: «Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ».

«Горбунъ» есть совершенно дѣтская вещь, переполненная

напыщенными описаніями и невозможными трескучими эффектами, которые особенно бросаются въ глаза, благодаря прозаической формѣ повѣсти; прелесть и сила даже юношескаго лермонтовскаго стиха, конечно, много бы ее скрасили. Но тѣмъ поразительнѣе разбросанныя въ повѣсти отдѣльныя замѣчанія, наблюденія, сопоставленія, которыя сдѣлали бы честь и вполне зрѣлому уму. Что же касается чертъ прирожденнаго властнаго человѣка, то мы встрѣчаемъ ихъ и въ самомъ зрѣломъ изъ крупныхъ произведеній Лермонтова,—въ «Герое нашего времени». Печоринъ говоритъ о себѣ: «Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути... Честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинить моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувства любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого нибудь причиной страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не самая ли это сладкая пища нашей гордости?» Любимая женщина пишетъ Печорину: «Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! Но въ твоей природѣ есть что то особенное, тебѣ одному свойственное, что то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ». Печоринъ и самъ задумывается: «Одно мнѣ было всегда странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины, напротивъ я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это? Отъ того ли, что я никогда очень ничѣмъ не дорожу и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это—магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?»

Въ юношеской драмѣ «Испанцы» главное дѣйствующее лицо, молодой Фернандо, характеризуется іезуитомъ Соррини такъ: «Повѣса онъ большой и пылкій малый, съ мечтатель-

ной и буйной головой. Такие люди не служатъ родились, но всѣмъ другимъ приказывать». Въ «Menschen und Leiden-schaften» Заруцкій говоритъ о героѣ драмы: «Волинъ былъ удалый малый: ни въ чемъ никому не уступалъ—ни въ буян-ствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ пер-вымъ, и я завидовалъ ему». Герой неоконченной стихотвор-ной повѣсти «Литвинка»—«повелѣвать толпѣ былъ приученъ». Измаиль-Бей—«повелитель, герой по взорамъ и рѣчамъ». Онъ принадлежитъ къ числу «дѣтей рока», которыя, «въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ, пособій отъ рабовъ не про-сятъ, хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ, и власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ». Въ «Фаталистѣ», какъ только Вуличъ обнаруживаетъ изъ ряда вонъ выходящую рѣшимость, гото-вясь совершить безумно рискованный шагъ, происходитъ слѣ-дующая сцена: «Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ приобрѣлъ надъ нами какую то таинственную власть».

И т. д. Я могъ бы еще увеличить число этихъ выписокъ, но и приведеннаго довольно, чтобы видѣть, какое присталь-ное вниманіе удѣлялъ Лермонтовъ во всѣ періоды своей жизни той странной власти, которую обнаруживаютъ нѣкоторые люди, «не имѣя на то никакого положительнаго права». Но онъ не просто отмѣчалъ фактъ этой власти. Онъ со ранней юности анализировалъ его, взвѣшивалъ его значеніе, дѣлалъ изъ него выводы, иногда нѣсколько смутные, а иногда поразительные по глубинѣ мысли. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна вышеупомянутая, мало обращающая на себя вниманіе и, ка-жется, даже не во всѣхъ новыхъ изданіяхъ вошедшая повѣсть «Гор-бунъ». Мнѣ случалось слышать мнѣніе, что это вещь совер-шенно недостойная Лермонтова, а потому и вниманія не сто-ящая. Это и справедливо, если имѣть въ виду только художе-ственную форму. Но и по замыслу, и по общему содержанію, и по блескамъ оригинальной мысли, «Горбунъ» есть произ-веденіе лермонтовское по преимуществу, если можно такъ выразиться, хотя Лермонтову было всего шестнадцать лѣтъ, когда онъ писалъ его. Мѣстами слишкомъ не-дѣтское содер-жаніе, заключенное въ совершенно дѣтскую форму изложенія, производитъ даже непріятное впечатлѣніе чего-то старообраз-

наго. Становится даже какъ будто жалко автора, который, будучи такъ явно ребенкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много передумалъ и перечувствовалъ.

Между прочимъ шестнадцатилѣтній авторъ замѣчаетъ: «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много». Это скорбное замѣчаніе на всю жизнь осталось руководящимъ для Лермонтова. Имъ опредѣляются существеннѣйшая часть содержанія его поэмъ, драмъ и повѣстей, характеръ его лирики и наконецъ бурныя волны его собственной жизни. Въ развитіи этой темы онъ достигалъ и непревзойденныхъ вершинъ художественной красоты и, я рѣшаюсь сказать, предчувствія научной точности въ постановкѣ соотносящихся вопросовъ.

Неудивительно, что юное воображеніе плѣняется какимъ-нибудь Измаилъ-Беемъ, красавцемъ въ живописномъ костюмѣ, скачущимъ на борзомъ конѣ среди грандіозной кавказской природы или врубающимся въ ряды непріятелей, привлекающимъ всѣ женскіе взоры, мстящимъ по рыцарски — лицомъ къ лицу и при дневномъ свѣтѣ. Здѣсь все красиво, изящно, благородно. Но Вадимъ, — что въ немъ плѣнительнаго? Онъ — горбатый, уродливый, грязный нищій, онъ золъ и жестокъ, онъ, терпѣливо выжидая часа мести, холопствуетъ, терпитъ побои, ругательства. Къ чему и чѣмъ можетъ въ немъ прилѣпиться юная душа, полная образовъ и картинъ художественной красоты? А между тѣмъ Лермонтовъ, тщательно отмѣчая каждую черту физическаго безобразія Вадима и каждое его злое побужденіе, явно находитъ въ себѣ симпатичныя этому злому уроду струны и, не обвинуясь, называетъ его «великой душой». Полная зрѣлость мысли и безповоротная убѣжденность сказала въ той смѣлости, съ которою юный Лермонтовъ вселилъ «великую душу» въ такое, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное существо, какъ Вадимъ. Для этого надо твердо знать, въ чемъ состоитъ величіе души, и твердо вѣрить въ свое знаніе. Мы на каждомъ шагу видимъ, что литераторы, набившіе себѣ руку въ писаніи романовъ и повѣстей, литераторы чрезвычайно искусные, которые справедливо постыдились бы подписаться подъ такой дѣтской вещью, какъ «Горбунъ», норовятъ подкупить читателей, да и себя, въ

пользу своихъ героевъ ихъ физической красотой и обиліемъ добродѣтелей. Шестнадцатилѣтнему Лермонтову не нужно было этихъ подкуповъ и побочныхъ поддержекъ. Онъ своимъ Вадимомъ точно нарочно хотѣлъ показать, что умѣетъ абстрагировать, отвлечь «величіе души» отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей и предъявить его съ такою ясностью и силой, что его не заслонятъ ни горбъ, ни порокъ. Въ чемъ же полагалъ юноша Лермонтовъ «величіе души»? Въ одну особенно трудную минуту, когда Вадимъ убилъ по ошибкѣ не того, кого хотѣлъ убить, «онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купить побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли».

Таковъ человѣкъ «великой души», онъ же и «герой» въ смыслѣ прирожденнаго властнаго человѣка, какимъ и является въ повѣсти Вадимъ. Мы увидимъ тѣ ограниченія, которыя Лермонтовъ самъ ставилъ такому безпощадно абстрактному пониманію «героя». А теперь замѣтимъ любопытную скептическую черту въ изображеніи благороднаго красавца Измаиль-Бея. Онъ, какъ мы видѣли, «повелитель, герой по взорамъ и рѣчамъ». Но одно время, при самомъ появленіи въ поэмѣ этого горца, воспитаннаго въ Россіи, авторъ въ немъ сомнѣвается: «Горе, горе, если онъ, храня людей суровыхъ мнѣнья, развратомъ, ядомъ просвѣщенія въ Европѣ душею зараженъ! Старикъ для чувствъ и наслажденія, безъ сѣдины между волосъ, зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо, такъ неспокойно, такъ игриво, онъ сердце мертвое принесъ?» Скоро оказывается однако, что первое же дуновение родины смело налетѣтъ «разврата, яда просвѣщенія». Нищаго и жестокаго урода Вадима «ядъ просвѣщенія» не коснулся, и юный авторъ въ немъ не сомнѣвается... Арбенинъ (въ «Маскарадѣ») «изнемогъ подъ гнетомъ просвѣщенія» и самъ надъ собой съ горечью пронизиваетъ: «Такъ! въ образованномъ родился я народъ: языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!» Печоринъ излагаетъ нѣчто въ этомъ же родѣ. И по лермонтовской лирикѣ тамъ и сямъ перебѣгаютъ блестящія искры отрицатель-

наго отношенія къ «глубокимъ познаніямъ», къ «бремени познанія», нѣ «наукѣ безплодной».

Критика много умствовала по поводу этого страннаго на первый взглядъ протеста противъ «просвѣщенія», толкуя его вкривъ и вкосъ. Между тѣмъ здѣсь не представляется никакой надобности умствовать, надо только умѣть читать. Знаменитая «Дума» есть одно изъ самыхъ ясныхъ стихотвореній Лермонтова, не допускающихъ двоякаго толкованія. Поэтъ печально глядитъ «на наше поколѣнье»: «подъ бременемъ познанья и сомнѣнья, въ бездѣйствіи состарится оно. Къ добру и злу постыдно равнодушны, въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы; передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнны рабы... Мы иссушили умъ наукою безплодной, тая завистливо отъ ближнихъ и друзей надежды лучшія и голосъ благородный невѣріемъ осмѣянныхъ страстей». Еще недавно одинъ критикъ хотѣлъ видѣть въ «Думѣ» выраженіе вѣковѣчнаго, въ самой природѣ человѣка заложеннаго, безисходнаго разлада между разумомъ и чувствомъ, которые, дескать, никогда и не могутъ примириться: вѣчно разумъ будетъ разѣдять чувство холодомъ своего анализа, вѣчно чувство будетъ протестовать противъ этого холоднаго прикосновенія. Лермонтовъ однако ясно указывалъ исходъ: онъ видѣлъ его не въ разумѣ и не въ чувствѣ, а въ третьемъ элементѣ человѣческаго духа,—въ волѣ, которая, комбинируя и разумъ, и чувство, повелительно требуетъ «дѣйствія», «борьбы». Если бы однако «Дума» оказалась въ этомъ отношеніи недостаточно убѣдительною и ясною, то за подтвержденіемъ и развитіемъ указанной мысли дѣло не станеть въ другихъ произведеніяхъ Лермонтова. Безспорно, Лермонтову были знакомы муки противорѣчія между горячностью чувства и холодомъ разума. Жизнь манила его къ себѣ всею гаммою своихъ звуковъ, всѣмъ спектромъ своихъ цвѣтовъ, а рано отточившійся ножъ анализа подрѣзывалъ цѣну всякаго наслажденія. Отсюда безпредметная тоска, проникающая нѣкоторыя изъ его стихотвореній, тоска, характеръ которой иногда ему самому не ясенъ: «подъ нимъ струя свѣтлой лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой, а онъ, мятежный, проситъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой!» Иногда «смиряется души его тревога» подъ вліяніемъ раз-

ныхъ мимолетныхъ впечатлѣній, но отлетаютъ эти впечатлѣнія, и опять тоска. Однако среди всѣхъ этихъ колебаній, всѣхъ ихъ переживая, держится тоже рано созрѣвшее рѣшеніе задачи жизни. Теоретически и въ одинокой душѣ самого поэта рѣшеніе готово: противорѣчіе разума и чувства и всѣ муки этого противорѣчія зависятъ отъ «бездѣйствія», отъ отсутствія «борьбы». Найдите точку приложенія для дѣятельности, и элементы мятущагося духа перестанутъ враждовать между собой. Но вопросъ въ томъ, возможно ли найти эту желанную и спасительную точку на практикѣ? Возможно ли найти ее, если не для всѣхъ людей сразу, то для тѣхъ прирожденно властныхъ, для тѣхъ «героевъ», которые потомъ увлекутъ за собой и остальныхъ?

Критика уже давно замѣтила, что Лермонтова тянуло на Кавказъ не только потому, что тамъ есть увѣнчанный снѣговыми вершинами Эльбрусъ, «глубокая тѣснина Дарьяла», стройные, вѣчно зеленые кипарисы и развѣсистыя чинары, красавцы черкесы на борзыхъ коняхъ, вообще благодарнѣйшій въ живописномъ отношеніи матеріалъ для поэтическихъ картинъ. Эта сторона Кавказа еще въ дѣтствѣ произвела неизгладимое впечатлѣніе на Лермонтова и много способствовала тому, что непроницательные люди имѣютъ извѣстное право называть его «пѣвцомъ Кавказа». Но что-то отвлекало его отъ окружавшей его жизни не только на Кавказъ, а и въ болѣе или менѣе отдаленную глубь русской исторіи — «Бояринъ Орша», «Литвинка», «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, удалаго опричника и купца Калашникова», «Горбачъ Вадимъ». Сверхъ того, Лермонтовъ говорилъ Бѣлинскому о задуманной имъ романической трилогіи, трехъ связанныхъ между собою романахъ изъ эпохъ Екатерины II, Александра I и настоящаго времени. Уже самъ по себѣ этотъ проектъ намекаетъ на то, что не художественный капризъ увлекалъ мысль и воображеніе Лермонтова къ болѣе или менѣе отдаленнымъ временамъ, что онъ тамъ чего-то искалъ для сравненія съ современностью. Для сравненія и въ укоръ, какъ видно изъ содержанія всѣхъ его экскурсій въ русскую исторію и на Кавказъ. «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; герои нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много». Это

теперь, но не всегда такъ было. Въ старые годы существовали люди, для которыхъ мысль и чувство не глядѣли врознь, а сливались въ дѣло. Ихъ-то и ищеть, на нихъ-то и останавливается Лермонтовъ съ очевидною любовью. Ихъ же ищеть, на нихъ же любитъ онъ и на нетронутомъ цивилизаціей Кавказѣ. Злодѣйскіе поступки, совершаемые всѣми этими Оршами, Вадимами, Хаджи-Абреками, Измаиль-Беями, если и пугаютъ Лермонтова своимъ кровавымъ блескомъ, то немедленно же находятъ себѣ въ его глазахъ и оправданіе и поэтическую красоту въ той цѣльности настроенія, въ той безповоротной рѣшимости, съ которою они совершаются. А отсутствіе этихъ чертъ въ окружавшей его жизни въ такой же мѣрѣ оскорбляетъ его.

Въ «Фаталистѣ» Печоринъ смѣется надъ старинными людьми, вѣрившими, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе «въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочокъ земли или за какія нибудь вымышленныя права». Съ нашей теперешней точки зрѣнія смѣшны эти вѣрованія старинныхъ людей. Но, говоритъ Печоринъ, за то «какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо со своими безчисленными жителями на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденія и гордости, безъ наслажденія и страха... неспособны къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья... не имѣя ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбой».

Если старинныя вѣрованія, развѣянныя «ядомъ просвѣщенія», были такъ спасительны, то не попытаться ли вернуть ихъ или хотъ не притвориться ли вѣрящими, что небесныя свѣтила принимаютъ участіе въ нашихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ? Такъ и думаютъ трусы, лицемеры и ханжи. Если ядъ просвѣщенія отравляетъ нашу дѣятельную силу, то не заняться ли намъ бездѣльничаньемъ въ красивой позѣ безысходнаго разочарованія и въ эффектномъ костюмѣ «нарядной печали»? Такъ и думаютъ кокетничающіе гамлетики и гамлетизированные поросята. Но Лермонтовъ слишкомъ искренно и больно

переживалъ волновавшіе его вопросы, чтобы закрывать глаза на ихъ колючія стороны, и слишкомъ жаждалъ дѣятельности, чтобы ограничиться нарядной печалью. Бывали и у него минуты слабости, оставившія свой слѣдъ въ его лирикѣ. Но это именно только минуты слабости, за которые совершенно напрасно хватаются ханжи, лицеѣры и трусы, съ одной стороны, кокетничающіе красивой позой—съ другой. Всею своею жизнью и дѣятельностью Лермонтовъ самымъ яркимъ и рѣзкимъ образомъ ставитъ дилемму: или звонъ во все колокола, жизнь всемъ существомъ человѣка, жизнь мысли и чувства, претворяющихся въ дѣло, или—«пустая и глупая шутка», въ которой даже красиваго ничего нѣтъ. Выбирайте любое. Такая рѣшительная постановка вопроса вытекала изъ самыхъ нѣдръ цѣльной и недѣлимой души Лермонтова. И онъ не переставалъ искать точки опоры для «дѣйствія», для «борьбы съ людьми или судьбой», ибо въ ней видѣлъ высшій смыслъ жизни. Но прежде, чѣмъ перейти къ самому поэту, отмѣтимъ еще одну черту его созданій.

Приглядываясь къ героямъ лермонтовскихъ поэмъ изъ старой русской жизни и изъ жизни кавказскихъ горцевъ, мы увидимъ, что если не во всехъ нихъ, то въ большинствѣ рѣзко вибрируетъ одна и та же струна. То дѣло, которому они себя почти все посвящаютъ, которому отдаютъ цѣликомъ и свою мысль, и свое чувство, и всю жизнь свою, есть дѣло мести. Бояринъ Орша, Арсеній, Вадимъ, Хаджи-Абрекъ, Измаиль-Бей, купецъ Калашниковъ,—все это мстители. Хаджи Абрекъ поетъ настоящій гимнъ блаженству мести: «Блаженство то вѣрнѣй любви... за единый мщенья часъ, клянусь, я не взялъ бы вселенной». Орша скорбитъ въ предсмертную минуту: «Но знай, что жизни мнѣ не жаль, а жаль лишь то, что часъ мой билъ, покуда я не отомстилъ». Арсеній хочетъ «передъ врагомъ предстать съ безчувственнымъ челомъ, съ холодной важностью лица и мстить хоть этимъ до конца». И т. д., и т. д. Напомню еще только позорный конецъ, постигшій Гаруна («Бѣглець») за то, что онъ «не отомстилъ». Напомню, что «Маскарадъ» весь построенъ на мести. Тотъ же мотивъ звучитъ и въ лирикѣ. Лермонтовъ съ особенной энергіей подчеркиваетъ, что Пушкинъ умеръ «съ жаждой мести»,

«съ глубокой жаждой мщенья». Великолѣпное стихотвореніе «Поэтъ» кончается словами: «Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ, иль никогда на голосъ мщенья изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ, покрытый ржавчиной презрѣнья?» Этотъ особенный интересъ Лермонтова къ дѣлу мести поддерживался въ немъ и извѣстными чисто теоретическими соображеніями, какъ видно изъ слѣдующихъ, въ высшей степени замѣчательныхъ словъ Печорина: «Первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи—созданія органическія, сказалъ кто то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновничьему столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара».

Много смутнаго въ этихъ словахъ, но много и глубокаго. Я обращаю пока вниманіе читателя все на ту же цѣпкость, съ которою Лермонтовъ хватался за связь между мыслью, «идеей», и дѣломъ, «дѣйствіемъ», и затѣмъ на ту специальную окраску, которую онъ въ приведенныхъ словахъ даетъ «дѣйствію»,—окраску страданія за страданіе, окраску мести. Откуда эта злобная нота и неужели на свѣтѣ нѣтъ иного, болѣе благороднаго дѣла, чѣмъ месть?

III.

Съ очень ранняго возраста Лермонтова манила роль перваго въ своемъ родѣ человѣка, та власть, которая, не опираясь ни на какое «положительное право», тѣмъ не менѣе даетъ себя знать самымъ осязательнымъ образомъ. Эти-то мечты онъ и объективировалъ въ герояхъ своихъ повѣстей, поэмъ, драмъ. Во всѣхъ этихъ герояхъ повторяется, лишь слегка варьируясь, самъ Лермонтовъ, какимъ онъ себя чувствовалъ или какимъ хотѣлъ бы быть.

Интересно, между прочимъ, замѣтить, что Лермонтовъ получилъ въ юнкерской школѣ прозвище «Маѣшка» и, очевидно, охотно носилъ эту кличку, потому что самъ себя такъ называлъ въ нѣкоторыхъ юнкерскихъ стихотвореніяхъ. Прозвище «Маѣшка» происходило отъ Маеухъ, имени горбатаго героя какого-то французскаго романа, и Лермонтовъ получилъ его за свою сутуловатость и вообще нестройность стана. Быть можетъ, этотъ физическій недостатокъ, не слишкомъ сильный, чтобы упоминаніе о немъ было оскорбительно для самолюбиваго юноши, но все-таки выдѣлявшій его, обращалъ на себя вниманіе и прежде, до поступленія въ юнкерскую школу. Быть можетъ, онъ послужилъ однимъ изъ толчковъ для созданія *горбача* Вадима. И если Вадимъ, при всемъ «величїи души» своей, есть кровожадный злодѣй, такъ вѣдь около того же времени, когда создавалась эта неконченная повѣсть, юный поэтъ писалъ уже прямо о себѣ въ одномъ изъ очерковъ «Демона»: «Какъ демонъ мой, я зла избранникъ». И въ другомъ стихотвореніи: «Настанетъ день—и міромъ осужденный, чужой въ родномъ краю, на мѣстѣ казни, гордый, хоть презрѣнный, я кончу жизнь мою; виновный предъ людьми, не предъ тобою, я твердо жду тотъ часъ». И еще въ одномъ стихотвореніи: «Когда къ тебѣ молвы разсказъ мое названье принесетъ и моего рожденья часъ передъ полміромъ проклянетъ, когда мнѣ пищей станетъ кровь и буду жить среди людей, ничью не радуя любовь и злобы не боясь ничьей» и т. д. Такимъ образомъ, сочиняя своего свирѣпаго горбуна, Лермонтовъ и самъ мысленно готовъ былъ совершать какія-то ужасныя преступленія, упиваться кровью, заслужить проклятія полміра. Весьма возможно, что въ стихотвореніи «Предсказаніе», навѣянномъ ужасами чумы съ одной стороны и дунуеніемъ іюльской революціи съ другой, Лермонтовъ именно о себѣ говорилъ: «Въ тотъ день явится мощный человекъ, и ты его узнаешь; и поймешь зачѣмъ въ рукъ его булатный ножъ. И горе для тебя: твой плачь, твой стонъ ему тогда покажется смѣшонъ, и будетъ все ужасно, мрачно въ немъ». Но въ то же время Лермонтовъ «и Байрона достигнуть бы хотѣлъ». Этому вполне соответствуетъ характеристика «дѣтей рока» въ «Измаилъ-Бей»: они «хотятъ ихъ («рабовъ») пре-

взойти въ добръ и злѣ, и власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ».

Конечно, много даже комически-ребяческаго въ этихъ мечтахъ о роли хотя бы и злодѣя, но великаго, перваго, властнаго, и Печоринъ, правъ, когда говоритъ: «Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ покончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками». Но Лермонтовъ былъ не изъ того матеріала, изъ котораго дѣлаются вѣчные титулярные совѣтники. Онъ не въ мечтахъ только, а и въ дѣйствительности оказался способнымъ «превзойти рабовъ въ добръ и злѣ» и носить «власти знакъ на гордомъ челѣ», хотя и не въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какіе рисовались его юношескому воображенію.

Въ немногочисленныхъ, къ сожалѣнію, письмахъ Лермонтова, сохранившихся для потомства, мы постоянно наталкиваемся то на «мученія тайнаго сознанія, что онъ кончитъ жизнь ничтожнымъ человѣкъ», то на сообщенія противоположнаго свойства, которыя онъ самъ готовъ называть «хвастовствомъ», проявленіями «самаго главнаго его недостатка—суетности и самолюбія». Въ одномъ изъ писемъ къ М. Лопухиной (1832 г.), извѣщающемъ о переходѣ изъ московскаго университета въ юнкерскую школу, вставлено стихотвореніе личнаго характера, которое оканчивается такъ:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хотъ съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ,—онъ чувствуетъ одинъ!

Это чрезвычайно характерныя строки. 18-лѣтній юноша не находитъ себѣ равныхъ, а такъ какъ затѣмъ остаются только положенія раба, которымъ онъ быть не хочетъ, и властелина, которымъ онъ быть не можетъ, то онъ становится внѣ общества въ полномъ одиночествѣ. Такъ оно и было съ Лермонтовымъ въ университетѣ. Какъ видно изъ записокъ его товарища Вистенгофа, поэтъ держалъ себя отъ всѣхъ въ сторонѣ, пренебрежительно и заносчиво. Вистенгофъ рассказываетъ, между прочимъ, какъ онъ однажды обратился къ

Лермонтову съ очень простымъ вопросомъ и какъ тотъ отвѣчалъ ему дерзостью. Приэтомъ, «какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ». О необыкновенныхъ глазахъ Лермонтова упоминають и другіе современники. Такъ, Панаевъ вспоминаетъ, что у него были «умные, глубокіе, пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ». Читатель благоволитъ припомнить описаніе глазъ горбача-Вадима.

Презрительное отношеніе Лермонтова къ университетскимъ товарищамъ было совершенно неосновательно, такъ какъ это было время пребыванія въ московскомъ университетѣ такихъ людей, какъ Станкевичъ, Герценъ, Бѣлинскій. Надо думать, что Лермонтовъ, уже тогда считавшій себя «океаномъ», въ которомъ «надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ», даже не попытался взглянуть въ товарищей сколько нибудь пристально и не то, что предпочелъ имъ свѣтское общество, какъ, повидимому, думаетъ Вистенгофъ, а просто не выходилъ изъ этого свѣтскаго общества, близкаго ему по воспитанію и родственнымъ связямъ. Да и слишкомъ недолго пробылъ Лермонтовъ въ университетской средѣ.

Причины, по которымъ Лермонтовъ промѣнялъ университетъ на юнкерскую школу, не совсѣмъ ясны. Повидимому, главный мотивъ состоялъ въ нетерпѣливомъ желаніи поскорѣе покончить со школой вообще, поскорѣе выйти въ открытое море жизни. Во всякомъ случаѣ, въ юнкерской школѣ оказалось больше простора для осуществленія тогдашней, частью безсознательной, а частью и сознательной программы Лермонтова: всѣхъ превзойти въ добрѣ и злѣ и носить власти знакъ на гордомъ челѣ. Здѣсь товарищи по школѣ были въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и товарищами въ свѣтскомъ смыслѣ, по своему общественному положенію, воспитанію, привычкамъ. Здѣсь было, слѣдовательно, больше той общей почвы, безъ которой никакой «герой» не можетъ исполнять свою функцію — дерзать и владѣть. И мы видимъ, дѣйствительно,

что Лермонтовъ, державшійся въ университетѣ отъ всѣхъ въ сторонѣ, поражающій товарищей своею угрюмою сосредоточенностью и серьезностью, въ школѣ съ первыхъ же шаговъ старается стать, такъ сказать, въ одну линію съ другими, но по возможности впереди всѣхъ. «Старикъ безъ сѣдинъ» становится во главѣ дѣтскихъ шалостей и слишкомъ недѣтскаго разгула, изъ молодечества скачетъ на необъязженной лошади и платится за это поврежденіемъ ноги, связываетъ шомпола въ узлы, соперничая съ первымъ силачомъ школы, и, наконецъ, рѣшительно превосходитъ всѣхъ въ сочиненіи непристойныхъ, циническихъ стиховъ въ родѣ «Петергофскаго праздника» или «Уланши».

Всѣмъ этимъ Лермонтовъ удовлетворялъ своей потребности дерзать и владѣть, заложенной въ него самою природою вмѣстѣ съ поэтическимъ даромъ. Были въ немъ и соотвѣтственныя этой потребности силы, но какое пошлое и мерзостное приложеніе получали эти силы! Нельзя безъ отвращенія читать «Уланшу» и, право, ничего не потеряли бы читатели и почитатели Лермонтова, если бы эти мерзости не печатались въ изданіяхъ его сочиненій даже отрывками. Однажды разгульная компанія молодыхъ офицеровъ, ѣдучи изъ Царскаго Села въ Петербургъ, вздумала дать себѣ шутливыя прозвища, именуюсь которыми и записалась у городской заставы. Одинъ назвался молдаваномъ Болванешти, другой—итальянцемъ Глупини, третій — маркизомъ Глупиньономъ и т. д. Но одному изъ компаніи показалось должно быть этого мало: онъ назвался двойной фамиліей и записался «россійскимъ дворяниномъ Скотъ-Чурбановымъ». Это былъ Лермонтовъ...

Къ счастью, въ Лермонтовѣ было еще нѣчто, кромѣ потребности и силы всѣхъ превзойти, безразлично въ добръ-ли или злѣ. Любуясь на непреклонный героизмъ горбача-Вадима, на величіе его души, онъ однако замѣчаетъ: «Какая слава, еслибъ онъ избралъ другое поприще, еслибъ то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бы это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ. Какая слава, если бы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... А теперь?.. Разо-

бравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ».

Это презрѣніе къ себѣ было знакомо и самому Лермонтову. Въ письмахъ къ М. Лопухиной изъ юнкерской школы онъ то съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы хвалится своими настоящими и будущими недостойными похождениями, то тутъ же, рядомъ, съ явнымъ отчаяніемъ даетъ этимъ похождениямъ ту именно цѣну, которой они стоятъ. Такъ, въ іюнѣ 1833 г. онъ пишетъ: «Я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ-ли порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшить меня—было бы напрасно! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающего на улицѣ. Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но, увы!—скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ!» Въ августѣ того же года: «Черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но, увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры, мнѣ нужны чувственные наслажденія». Въ 1834 г.: «Милый другъ! что бы ни случилось, я все буду называть васъ этимъ именемъ: иначе мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная, повидимому, въ сущности — пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ». Произведенный въ офицеры, Лермонтовъ, оглядываясь назадъ, называетъ въ одномъ письмѣ время пребыванія въ юнкерской школѣ «страшными годами». И, дѣйствительно, это были страшные годы, несмотря на ихъ слишкомъ веселый разгулъ или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого разгула. Лермонтовъ былъ на волосокъ отъ окончатель-

наго погруженія въ омутъ пошлости, но, отдаваясь этому теченію, повидимому, съ легкимъ сердцемъ, хорошо зналъ его цѣну. Кромѣ писемъ къ Лопухиной, въ которыхъ слышится отчаянный и тоскливый стонъ, мы имѣемъ еще свидѣтельства его товарищей по школѣ, что, открыто стремясь къ первенству во всякихъ шалостяхъ и пошлостяхъ, онъ втайнѣ молился какому-то другому Богу. Такъ Меринскій рассказываетъ: «Въ то время Лермонтовъ писалъ не одни шаловливыя стихотворенія, но только немногое и немногимъ показывалъ изъ написаннаго» («Атеней» 1858 г. № 48, «Воспоминаніе о Лермонтовѣ»). Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ фельетонѣ «Русскаго Міра» 1872 г. (№ 205), говорится: «По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ нашъ часто уходилъ въ отдаленныя класныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченными товарищами».

Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ мрачныя мысли все больше и больше накоплялись въ головѣ юноши, въ придачу къ тѣмъ, которыя уже осыли въ немъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства, а можетъ быть кромѣ того и отъ слишкомъ ранняго проникновенія въ мрачную поэзію Байрона. Какъ у Вадима, змѣя, обвившаяся вокругъ его сердца, обвивалась и вокругъ вселенной, гнетущая мысль о собственномъ ничтожествѣ разрасталась въ мысль о ничтожествѣ жизни. Но натура «героя» брала свое, потребность дерзать и владѣть искала случая удовлетворить себя чѣмъ бы то ни было.

Только что произведенный въ офицеры, Лермонтовъ пишетъ Лопухиной: «Я теперь бываю въ свѣтѣ, для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!.. я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это не совсѣмъ ново, зато не всѣ такъ дѣлаютъ. Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонять прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть».

Итакъ, женщины, — вотъ куда направится теперь жажда дерзать и владѣть. Извѣстно, что Лермонтовъ былъ, по его собственному показанію, влюбленъ десяти лѣтъ, чему прида-

валъ какое-то особенное значеніе, и затѣмъ въ дѣтствѣ и ранней юности еще не разъ подвергался припадкамъ нѣжной страсти. Понятно, что всѣ эти увлеченія должны были быть несчастны. Барышни, къ которымъ пылалъ любовью Лермонтовъ, либо издѣвались надъ нимъ, либо охотно слушали страстные или сентиментальныя рѣчи не по лѣтамъ развитого, остроумнаго влюбленнаго мальчика, но потомъ выходили замужъ или переносили свою благосклонность на болѣе взрослыхъ поклонниковъ. А въ сердцѣ самолюбиваго мальчика, уже мечтавшаго о роли великаго человѣка, эти «измѣны» отзывались страшною болью. Надо замѣтить, что любовь для Лермонтова была всегда чѣмъ то отличнымъ отъ любви, какъ ее обыкновенно понимаютъ и чувствуютъ. Она для него такъ или иначе, иногда неясными для него самого нитями, связывалась все съ тою же жаждою дерзать и владѣть или по крайней мѣрѣ стояла рядомъ въ ней. Въ одной изъ его юношескихъ тетрадей есть замѣтка, озаглавленная: «Мое завѣщаніе (про дерево, подъ которымъ я сидѣлъ съ А. С.)». Замѣтка оканчивается такъ: «Похороните мои кости подъ этой сухой яблоней, положите камень, и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего недовольно будетъ доставить ему безсмертіе»,—безсмертіе, то есть загробное владѣніе вниманіемъ и сердцами людей. Печоринъ, говоря о наслажденіи власти, подчеркиваетъ въ особенности власть надъ женскимъ сердцемъ. Измаиль-Бей, этотъ «повелитель, герой по взорамъ и рѣчамъ», есть вмѣстѣ съ тѣмъ покоритель женскихъ сердецъ: «Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ! Воспламенивъ воображеніе, повелѣвалъ онъ безъ труда». Съ другой стороны, Демонъ и Вадимъ готовы примириться съ жизнью и отказаться отъ своей грозной властной роли, если ихъ полюбятъ—одного Тамара, другого Ольга. Выходитъ, что это какъ бы эквиваленты, легко замѣщающіе другъ друга. Въ «Горбачѣ Вадимѣ» есть одно мѣсто, въ которомъ смутная мысль о какой то эквивалентности любви и власти выражена настолько ясно, насколько это возможно для смутной мысли. Я выпишу это любопытное мѣсто цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ. Сказавъ, что Юрій сразу сталъ близокъ и понятенъ Ольгѣ, юный авторъ продолжаетъ:

«Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга. въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... оно существуетъ и должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобы оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войска! долго ли они прожили другъ безъ друга?»

Повторяю, я не пропустилъ ни одного слова; поворотъ мысли отъ любви къ отношеніямъ Наполеона и его войска является полною неожиданностью, и вѣроятно для самого юнаго поэта связь между этими двумя родами человѣческихъ отношеній была не совсѣмъ ясна; онъ ее лишь чувствовалъ въ себѣ, въ своей собственной природѣ.

Изъ юношескихъ любовныхъ увлеченій Лермонтова наибольшую извѣстностью пользуется его романъ съ Хвостовой, урожденной Сушковой. Она сама рассказываетъ этотъ романъ въ своихъ «Запискахъ», и хотя рассказъ ея вызвалъ сомнѣнія и опроверженія въ частностяхъ, но въ общемъ фактическая его часть подтверждается самимъ Лермонтовымъ. Про свое въ высшей степени недостойное поведеніе въ этомъ дѣлѣ онъ рассказываетъ въ письмѣ къ Верещагиной и, кромѣ того, цѣликомъ воспроизвелъ его въ неоконченной повѣсти «Княгиня Литовская». 15-лѣтнимъ мальчикомъ Лермонтовъ очень увлекался Сушковой, которая была нѣсколькими годами старше его, а она забавлялась этою любовью, причемъ, повидимому, нисколько не щадила самолюбія будущаго знаменитаго поэта. Черезъ нѣсколько лѣтъ они встрѣтились опять, и въ Лермонтовѣ, всетаки еще совсѣмъ молодымъ человѣкѣ, нашлось достаточно силы и желанія дерзнуть и владѣть, чтобы побѣдить когда то смѣявшуюся надъ нимъ гордую красавицу; побѣдить и компрометировать. Кромѣ непосредственнаго удовольствія, которое доставляла ему эта игра, она ему была нужна, по его собственному выраженію, какъ «пѣдесталь». Онъ хотѣлъ играть роль въ петербургскомъ свѣтскомъ обществѣ, быть

замѣченнымъ и, по его оправдавшемуся расчету, это удобнѣе всего было достигнуть громкимъ, даже, пожалуй, скандальнымъ романомъ. Все было пущено для этого въ ходъ, вплоть до подложныхъ анонимныхъ писемъ. И Лермонтовъ понималъ, что онъ дѣлаетъ дурное, злое дѣло. О героѣ «Княгини Лиговской», который продѣлываетъ съ Негуровой все то, что самъ Лермонтовъ продѣлалъ съ Сушковой, говорится: «Ему надобно было, чтобы поддержать себя, приобрести то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностью, то-есть прослыть человекомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается... Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій». Такимъ образомъ Лермонтовъ отлично понималъ «бѣдность» общества, въ которомъ желалъ блистать, равно какъ и значеніе «свѣтской извѣстности». Что же касается собственно Сушковой, то безжалостное издѣвательство надъ ней оправдывалось въ его глазахъ местию. Онъ писалъ: «я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство m-lle Сушковой. О, наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки». Въ большинствѣ любовныхъ приключеній Лермонтова чувственность, по всѣмъ видимостямъ, не играла никакой роли, и во всякомъ случаѣ его гораздо больше занимали тонкія и сложныя операціи надъ сердцемъ женщины, самый процессъ этихъ операцій. Въ «Странномъ человѣкѣ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ объясняетъ задумчивость героя тѣмъ, что его занимаетъ вопросъ, «какъ заставить женщину любить или признаться въ томъ, что она притворялась». Въ «Маскарадѣ» Арбенинъ (между прочимъ, вспоминая о «власти, съ которою, порою, казнилъ толпу онъ словомъ, остротой») съ какимъ-то дикимъ психическимъ сладострастіемъ добивается отъ Нины признанія въ томъ, что она притворялась. Это уже игра виртуоза.

Печоринъ (въ «Княгинѣ Лиговской») «зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому то закону природы, доселѣ необъяснимому». Зналъ, конечно, эту аксіому и самъ Лермонтовъ, и ему доставляло своеобразное наслажденіе практически

осуществлять ее при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, вполнѣ сознавая мелочность, пошлость или даже преступность тѣхъ «пьедесталовъ», на которые ему приходилось иногда взбираться, чтобы оттуда дерзать и владѣть. Только этимъ и объясняется его будто бы пристрастіе къ свѣтскому обществу, за которое его такъ часто упрекали. Упреки эти, какъ извѣстно, доходили до того, что, признавая огромный талантъ Лермонтова (его мало кто рѣшался отрицать), его самого, какъ личность, совершенно вдвигали въ толпу свѣтскихъ хлыщей и фатовъ, изъ которой, дескать, онъ выдѣлялся развѣ только особенно несноснымъ высокомеріемъ и заботливостію, доходившимъ до бреттерства. И много фактовъ, повидимому, подтверждающихъ такой взглядъ на Лермонтова. Даже Боденштедтъ, при всемъ своемъ глубочайшемъ уваженіи къ нашему поэту, былъ непріятно пораженъ его личностію при первой встрѣчѣ. Правда, на другой же день, при слѣдующей встрѣчѣ, это непріятное впечатлѣніе сгладилось, но и то Боденштедтъ находить возможнымъ сказать только такіа добрая слова: «Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ. Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца, только едва ли это съ нимъ часто случалось... Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть въ то же время кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе».

Все это прекрасно, конечно, но далеко все-таки не соответствуетъ тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя невольно ставятся поэту, обнаружившему въ своихъ произведеніяхъ такую исключительную мощь и глубину. Однимъ талантомъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, нельзя объяснить эту огненную и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленную поэзію, — она должна была быть порожденіемъ, кромѣ таланта, еще изъ ряда вонъ выходящаго ума и великаго духа вообще. Къ счастью, на этотъ счетъ имѣется показаніе можетъ быть компетентнѣйшаго изъ современниковъ Лермонтова.

Въ свѣтѣ Лермонтовъ все больше и больше преуспѣвалъ,

уже не нуждаясь болѣе въ неизменной спекуляціи за счетъ прекрасныхъ дѣвицъ. Стихи на смерть Пушкина, ссылка на Кавказъ, дуэль съ Барантомъ, новая ссылка,—все это приковало къ особѣ молодого офицера вниманіе свѣтскаго общества,—вниманіе, частію почтительное, частію злобное. Одновременно шли и успѣхи въ литературѣ. Онъ познакомился кое съ кѣмъ изъ писателей, между прочимъ съ Бѣлинскимъ, котораго однако приводилъ въ смущеніе отсутствіемъ серьезности. По словамъ Панаева въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», Бѣлинскій рѣшительно недоумѣвалъ. Онъ говорилъ: «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного умнаго и дѣльнаго слова; онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотой». Панаевъ съ своей стороны прибавляетъ, что, «дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголяетъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бреттера». Мимоходомъ замѣтитъ, это слова Панаева; что же касается сообщаемыхъ имъ фактовъ, то собственно въ нихъ довольно мудроно усмотрѣть щегольство свѣтскою пустотой. Факты очень впрочемъ скудные. Панаевъ рассказываетъ, какъ однажды Лермонтовъ ни съ того, ни съ сего долгимъ взглядомъ своихъ пронзительныхъ черныхъ глазъ смутилъ нѣкоего Языкова и даже заставилъ его выйти изъ комнаты въ сильномъ нервномъ раздраженіи. Рассказываетъ еще объ отношеніяхъ Лермонтова къ Краевскому, тогда еще только начинавшему свое издательское поприще: они были «на ты», и Лермонтовъ позволялъ себя всякія школьничества съ Краевскимъ: разбрасывалъ его бумаги по полу, производилъ въ его кабинетъ всяческую кутерьму и разъ даже опрокинулъ его самого со стуломъ. Быть на ты съ Краевскимъ и школьничать въ его кабинетъ,—это едва ли признаки щегольства великосвѣтскостію. Рассказываетъ однако Панаевъ и еще одинъ фактъ, въ высшей степени интересный, а именно восторгъ Бѣлинскаго, когда ему удалось наконецъ поговорить съ Лермонтовымъ по человѣчески. Случилось это въ ордонансъ-гаузѣ, гдѣ Лермонтовъ сидѣлъ подѣ

арестомъ за дуэль съ Барантомъ. Бѣлинскій восторженно рассказывалъ Панаеву объ этомъ свиданіи. Г. Пыпинъ, въ предисловіи къ одному изъ изданій сочиненій Лермонтова (1873 г.), заподозрилъ Панаева въ неточной передачѣ рассказа Бѣлинскаго, а г. Скабичевскій, въ предисловіи къ Павленковскому изданію сочиненій Лермонтова, пошелъ гораздо дальше и усомнился въ самомъ фактѣ свиданія. Г. Пыпинъ заподозрилъ Панаева только въ преувеличеніи или невѣрной передачѣ, г. же Скабичевскій косвеннымъ образомъ заподозриваетъ либо Панаева, либо Бѣлинскаго во лжи. И это на томъ единственномъ основаніи, что, по словамъ Шангирея, въ ордонансъ-гаузъ къ Лермонтову никого не пускали. Да и «самъ Барантъ, сынъ французскаго посланника, слѣдовательно человѣкъ со связями, могъ видѣть Лермонтова въ ордонансъ-гаузѣ лишь тайкомъ. Послѣ этого невольно беретъ сомнѣніе, какъ могъ пробраться къ Лермонтову Бѣлинскій, человѣкъ маленький и къ тому-же совсѣмъ чужой Лермонтову». Если-бы г. Скабичевскій внимательнѣе отнесся къ своей задачѣ біографа и редактора собранія сочиненій Лермонтова, онъ не впалъ бы въ этотъ совершенно неумѣстный скептицизмъ. Изъ документовъ, частью приложенныхъ къ редактированной имъ книгѣ, а частью въ его собственномъ предисловіи къ ней напечатанныхъ, онъ узналъ бы, что Лермонтовъ былъ арестованъ сначала въ ордонансъ-гаузѣ, а потомъ переведенъ въ арсенальную гауптвахту, и что Барантъ былъ у него не въ ордонансъ-гаузѣ, а на гауптвахтѣ; а порядки въ этихъ двухъ мѣстахъ заключенія могли быть и разные, — въ одномъ строже, въ другомъ послабѣе. Правда, Шангирей дѣйствительно утверждаетъ, что въ ордонансъ-гаузъ никого, кромѣ него, Шангирея, не пускали. Но позволительнѣе, я думаю, заподозрить Шангирея въ ошибкѣ (тотъ же Шангирей утверждаетъ, напримѣръ, что Лермонтовъ родился въ Тарханахъ), чѣмъ Панаева или Бѣлинскаго въ сочиненіи небывалаго факта. Во всякомъ случаѣ, существуетъ собственный рассказъ Бѣлинскаго о посѣщеніи имъ Лермонтова, вполне совпадающій съ рассказомъ Панаева, и надо поэтому думать, что такъ-ли, сякъ-ли, а Бѣлинскому удалось пробраться въ ордонансъ-гаузъ. Г. Пыпинъ давно отрекся отъ своихъ подоз-

рѣшій и призналъ, что Панаевъ «очень вѣрно передалъ сущность дѣла». Письмо Бѣлинскаго (къ Боткину), въ которомъ онъ говоритъ о своемъ свиданіи съ Лермонтовымъ, было напечатано г. Пыпинымъ въ его почтенномъ трудѣ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» и затѣмъ неоднократно цитировалось въ журналахъ; совершенно даже непонятно, какъ могло оно остаться неизвѣстнымъ біографу Лермонтова...

Бѣлинскій писалъ: «Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ!» И далѣе: «Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему, онъ улыбнулся и сказалъ: «дай Богъ!» Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ! Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура, во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такіа цѣлостныя полныя натуры; я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества».

Наши художники-живописцы, вообще говоря, довольно равнодушны къ русской литературѣ и въ особенности къ ея исторіи. Но фигуры Лермонтова и Бѣлинскаго достаточно, кажется, популярны и крупны, чтобы заинтересовать художника, и мудрено найти тему для картины, болѣе благодарную, чѣмъ это собесѣдованіе великаго критика и великаго поэта въ ордонансѣ-гаузѣ. Представьте себѣ Лермонтова съ привычно насмѣшливымъ складомъ губъ и пронзительными черными глазами, отъ взгляда которыхъ смущаются тѣ, на кого онъ смотритъ. Смущается можетъ быть и Бѣлинскій, что не мѣшаетъ ему однако, «упорствуя, волнуясь и спѣша», въ горячей рѣчи отстаивать свои «понятія». Онъ твердо увѣренъ въ истинности и возвышенности этихъ понятій; но всѣмъ своимъ чуткимъ и дѣтски искреннимъ существомъ чувствуетъ, что въ бесѣдующемъ съ нимъ гусарскомъ поручикѣ есть нѣчто, чего въ немъ самомъ нѣтъ и передъ чѣмъ онъ долженъ преклониться...

IV.

Въ воспоминаніяхъ извѣстнаго въ свое время и совершенно неизвѣстнаго нынѣ великосвѣтскаго беллетриста гр. Соллогуба, автора «Тарантаса», «Исторіи двухъ калошъ» и проч., много рассказывается о дружескихъ отношеніяхъ автора съ Лермонтовымъ, о томъ какъ Лермонтовъ съ нимъ совѣтовался, предлагалъ вмѣстѣ издавать журналъ и т. д. Соллогубъ очень восторгается талантомъ Лермонтова и скорбитъ объ его ранней кончинѣ. Это понятно и приличествуетъ всякому знавшему и незнавшему поэта лично. Но, будучи пріятелемъ Лермонтова, гр. Соллогубъ можетъ, конечно, сообщить намъ о немъ что нибудь интимное, что нибудь такое, что только наблюденію близкаго человѣка доступно, и главнымъ образомъ что нибудь касающееся свѣтскихъ отношеній Лермонтова. Но гр. Соллогубъ почти совсѣмъ не трогаетъ этого пункта, отсылая любопытствующихъ читателей къ одному своему беллетристическому произведенію. Онъ говоритъ: «Свѣтское значеніе Лермонтова я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти «Большой свѣтъ». Гр. Соллогубъ прибавляетъ, что повѣсть эту онъ написалъ «по заказу» одной высокопоставленной особы. Было бы въ высшей степени любопытно знать, какую цѣль преслѣдовала эта особа, заказывая гр. Соллогубу такое произведеніе. Изъ воспоминаній графа этого не видно, но не видно также и мотивовъ, руководившихъ графомъ при исполненіи «заказа». Дѣйствіе повѣсти происходитъ, какъ показываетъ и заглавіе, въ «большомъ свѣтѣ», гдѣ, между прочимъ, ставятся за одну скобку «стихи Л—ва и повѣсти С—ба», то есть Лермонтовъ и Соллогубъ, какъ писатели. Герой повѣсти, молодой офицеръ Леонинъ, играетъ въ «большомъ свѣтѣ» главнѣйшую роль сверчка, не знающаго своего шестка, и котораго поэтому свѣтскіе люди осмѣиваютъ и водятъ за носъ сколько имъ угодно. Это просто дурачокъ какой то, ничтожный, сентиментальный и даже въ мазуркѣ не сильный, на счетъ которой онъ серьезно совѣщается съ другимъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, Сафьевымъ, истинно свѣтскимъ человѣкомъ,—быть можетъ въ немъ мы должны угадывать самого гр. Сол-

логуба. Надо замѣтить, что «Большой свѣтъ» былъ напечатанъ въ 1840 г., въ годъ дуэли Лермонтова съ Барантомъ и появленія въ печати «Героя нашего времени». Спрашивается, какъ же отнесся пылкій, заносчивый, самолюбивый поэтъ, находившійся въ это время на верху своей славы, къ своему якобы портрету, написанному якобы дружеской рукой гр. Соллогуба? Въ томъ же 1840 г. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину такъ характеризовалъ «Большой свѣтъ»: «Много вѣрнаго и истиннаго въ положеніи, прекрасный рассказъ, нѣтъ никакой глубокости, мало чувства, много чувствительности, еще больше блеску. Только Сафьевъ—ложное лицо. А впрочемъ, славная вещь, Богъ съ ней! Лермонтовъ думаетъ такъ же. Хоть и салонный человѣкъ, а его не надуешь—себѣ на умѣ». Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что ни Бѣлинскій не узналъ въ Леонинѣ Лермонтова, ни Лермонтовъ не узналъ самъ себя.

Для славной памяти поэта не было бы, конечно, ничего оскорбительнаго въ томъ, что какой нибудь Сафьевъ превосходилъ его въ танцевальномъ искусствѣ или въ умѣннн вести свѣтскія интриги, хотя съ точки зрѣнія Соллогуба это грѣхи не малые. Но въ числѣ прочихъ біографическихъ фактовъ намъ нужно знать и «свѣтское значеніе» поэта. И, по соображенію со свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, мы должны признать, что значеніе это не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ изображеніемъ гр. Соллогуба. Общаго между Лермонтовымъ и Леонинымъ только то, что оба стремятся попасть въ высшій аристократическій свѣтъ, но Лермонтовъ никогда не былъ тѣмъ робкимъ травояднымъ, какимъ является въ «Большомъ свѣтѣ» Леонинъ; онъ былъ, какъ показываетъ уже его исторія съ Сушковой, скорѣе слишкомъ смѣлымъ и безцеремоннымъ хищникомъ. Да и самыя выраженія въ родѣ «попасть въ высшій аристократическій свѣтъ» требуютъ по отношенію къ Лермонтову оговорокъ. Правда, ихъ иногда употребляетъ и самъ Лермонтовъ, говоря о себѣ, но совсѣмъ въ особенномъ смыслѣ. По свидѣтельству Вистенгофа, Лермонтовъ, еще будучи въ московскомъ университетѣ, вращался въ свѣтскомъ обществѣ: «Онъ посѣщалъ великолѣпныя балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ обществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ от-

носился такъ же фамиллярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ во фракахъ со звѣздами или ключами позади, прохаживавшимися съ нимъ по заламъ». Такимъ образомъ, въ смыслѣ свѣтскаго лоска Лермонтовъ былъ очень рано вполне готовымъ человѣкомъ, и едва ли могъ нуждаться, будучи уже офицеромъ, въ какихъ нибудь урокахъ Сафьева или гр. Соллогуба. Въ юнкерской школѣ онъ былъ опять же товарищемъ и какъ бы даже первоприсутствующимъ въ средѣ молодыхъ людей такъ называемаго высшаго круга. Конечно, такого товарищества было еще мало, чтобы быть своимъ въ аристократическихъ салонахъ, но Лермонтовъ хотѣлъ быть въ нихъ не столько своимъ, сколько первымъ въ своемъ родѣ, и новичкомъ онъ былъ въ нихъ уже, конечно, не въ смыслѣ непривычки къ свѣтскому обществу, какъ Леонинъ. И тѣмъ не менѣе повѣсть гр. Соллогуба, какъ она освѣщается его собственнымъ призваніемъ насчетъ ея происхожденія, является очень цѣннымъ матеріаломъ для опредѣленія «свѣтскаго значенія» Лермонтова. Если гр. Соллогубъ рѣшился поставить въ своей повѣсти рядомъ «стихи Л—ва и повѣсти С—ба», то изъ этого слѣдуетъ заключить, что талантъ Лермонтова признавался въ большомъ свѣтѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ около него, очевидно, много накопилось ненависти, потому что вотъ заказывается пасквиль на него, и дружеская рука великосвѣтскаго беллетриста исполняетъ заказъ. Ударъ, повидимому, не попалъ въ цѣль, потому что Лермонтовъ даже не узналъ себя. Но вѣдь не это и нужно было; это даже совсѣмъ не нужно было, такъ какъ необузданный характеръ Лермонтова ничего хорошаго персонѣ гр. Соллогуба не обѣщало, въ случаѣ если бы поэтъ узналъ себя. Но гдѣ то, въ какихъ то сферахъ нужно было изображеніе Лермонтова ничтожествомъ...

Поневолю вспоминаются слова Лермонтова о Пушкинѣ:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!

«Врачу, исцѣлися самъ»,—можно бы было, повидимому,

сказать по этому поводу Лермонтову, потому что вѣдь онъ и самъ рвался «въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный», и судьба Пушкина не послужила ему урокомъ. Однако, это только повидимому. «Мирныхъ нѣтъ и дружбы простодушной» Лермонтовъ почти не зналъ, а «словамъ и ласкамъ ложнымъ» отнюдь не вѣрилъ. Въ 1839 г., сообщая М. Лопухиной о своемъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ, онъ писалъ: «Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да, я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять... Эта новая опытность полезна; она дала мнѣ оружіе противъ этого общества, которое непременно будетъ преслѣдовать меня своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія: вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низостей и странностей, какъ тутъ».

Такимъ образомъ, Лермонтовъ шелъ въ «свѣтъ», какъ на битву, хорошо подготовленный и вооруженный, и соответственно велъ себя тамъ. Ходячее уподобленіе свѣтскихъ отношеній Лермонтова и Пушкина рѣшительно ни на чемъ не основано, кромѣ того чисто внѣшняго факта, что оба поэта вращались въ большемъ свѣтѣ и оба хотѣли въ немъ вращаться. Никогда Лермонтовъ не былъ и, насколько мы знаемъ его духовную физіономію, не могъ быть въ такихъ двусмысленныхъ положеніяхъ по отношенію къ сильнымъ міра, въ какихъ не разъ приходилось бывать Пушкину; никогда онъ ничего не просилъ, не получалъ, не бралъ на себя никакихъ порученій, никогда никакимъ покровительствомъ не пользовался. Пушкину только случалось призывать на себя своими стихотвореніями грозу; Лермонтовъ же дѣлалъ, кажется, все возможное, чтобы создать вокругъ себя постоянную атмосферу недовольства, вражды, ненависти.

Въ замѣткѣ, отнюдь не въ пользу Лермонтова пристраст-

ной, кн. А. И. Васильчиковъ говоритъ: «Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запретнымъ плодомъ; онъ былъ человѣкъ въполнѣ своего вѣка, герой своего времени: вѣка и времени, самыхъ пустыхъ въ исторіи русской гражданственности. Но, живя этой жизнью, къ коей всѣ мы, юноши 30-хъ годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленнаго и кассированнаго послѣ катастрофы 14-го декабря, онъ глубоко и горько сознавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ «Печально я гляжу на наше поколѣніе», но и въ ежедневныхъ, свѣтскихъ и товарищескихъ своихъ сношеніяхъ. Отъ этого онъ былъ вообще нелюбимъ въ кругу своихъ знакомыхъ въ гвардіи и въ петербургскихъ салонахъ; при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и при томъ, по фрунту, дурнымъ офицеромъ, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, что «туда ему и дорога». Все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово надъ храбрымъ офицеромъ и великимъ поэтомъ».

Г. Висковатовъ рассказываетъ про одного товарища Лермонтова по юнкерской школѣ, «достигнувшаго потомъ важнаго государственнаго положенія»: человѣкъ этотъ, — говоритъ г. Висковатовъ, — «приходилъ въ негодованіе каждый разъ, когда мы заговаривали съ нимъ о Лермонтовѣ. Онъ называлъ его самымъ «безнравственнымъ человѣкомъ» и «посредственнымъ подражателемъ Байрона» и удивлялся, какъ можно имъ интересоваться до собиранія матеріала для его біографіи. Гораздо позднѣе, когда намъ попались въ руки школьныя произведенія нашего поэта, мы поняли причину такой злобы». Дѣло идетъ, очевидно, о какомъ-нибудь обидномъ стихотвореніи, котораго злопамятный товарищъ не простилъ поэту даже послѣ его смерти.

Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Лопухиной Лермонтовъ говоритъ о людяхъ, которыхъ онъ «оскорблялъ въ стихахъ своихъ» и которые, дескать, теперь окружаютъ его лестью и ухаживаніемъ. Весьма возможно, что многія изъ сти-

хотворений, о которых тут упоминает Лермонтовъ, затерялись или даже намѣренно уничтожались. Пропали же для русской литературы чрезвычайно характерныя мелкія стихотворенія его, сохраненныя лишь Боденштедтомъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Всѣ эти «Kleine Betrachtungen» и «Kleine Einfälle und Ausfälle», какъ они озаглавлены у Боденштедта, носятъ печать страстной вражды и презрѣнія къ какимъ то людямъ, судя по усвоиваемымъ имъ атрибутамъ принадлежащимъ къ такъ называемому свѣтскому обществу. «Всегда я чувствовалъ къ вамъ полное презрѣнье, названіемъ ословъ клеймилъ васъ, шельмовалъ, и вы же у меня просили извиненія въ томъ, что я васъ ослами величалъ». Это—начало одного изъ стихотвореній въ несовсѣмъ удачномъ пере-переводе Минаева. А вотъ два куплета другого стихотворенія въ нѣмецкомъ оригиналѣ-переводѣ Боденштедта:

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten
Und mir nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrott bin
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe!

Это стихотвореніе, напоминающее мотивъ «Родины» («Люблю отчизну я»), но съ острой полемической приправой, свидѣтельствуешь, что Лермонтову приходилось имѣть дѣло и съ столь обычною у насъ клеветою беззастѣнчивыхъ враговъ насчетъ недостатка любви къ отечеству. Вообще взаимныя отношенія между поэтомъ и окружавшею его свѣтскою средою были самыя напряженныя. Есть доля фактической правды даже въ отдающемъ цинизмомъ замѣчаніи кн. Васильчикова, что если бы и не Мартыновъ, такъ все равно кто нибудь другой рано или поздно убилъ бы Лермонтова. Последняя драма въ жизни поэта, не смотря на свой, повидимому, бессмысленно случайный характеръ, подготовлялась давно. Г. Висковатовъ сообщаетъ со словъ современниковъ, что «многіе» изъ бывшихъ въ то роковое лѣто въ Пятигорскѣ свѣтскихъ

людей называли Лермонтова «ядовитой гадinou». Эти благородные люди подговаривали молодого офицера Лисаневича вызвать поэта на дуэль, но Лисаневичъ объявилъ, что у него «не поднимется рука на такого человѣка». У Мартынова поднялась... Всѣ тѣ рѣзкіе укоры, съ которыми Лермонтовъ обращался къ закулиснымъ виновникамъ смерти Пушкина, вполне приложимы и къ обществу, выдвинувшему Мартынова. Но надо все-таки признать, что самъ Лермонтовъ былъ отнюдь не невиненъ въ той атмосферѣ вражды и ненависти, которая вокругъ него создалась. По свидѣтельству всѣхъ, оставившихъ какія-нибудь воспоминанія о Лермонтовѣ, какъ людей, благорасположенныхъ къ нему, такъ и нерасположенныхъ, немногіе изъ его знакомыхъ пользовались его искреннею и нѣжною привязанностью, а ко всѣмъ остальнымъ онъ относился презрительно, заносчиво, враждебно, точно нарочно изыскивая предлоги къ непріятностямъ и открытымъ столкновѣніямъ.

Мы поймемъ это, разумѣется, непріятное для окружающихъ поведеніе, припомнивъ слова Печорина: «Я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждого слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ,—вотъ что я называю жизнью». Странная задача! странное понятіе о «жизни»! Но такого рода странностями переполнена, можно сказать, жизнь какъ самого Лермонтова, такъ и дѣйствующихъ лицъ его произведеній. И во всѣхъ этихъ странностяхъ виденъ все тотъ же человѣкъ, страстно жаждущій дѣятельности, именно въ смыслѣ психическаго воздѣйствія на людей, задающій себѣ разнообразныя, утонченно сложныя задачи этого рода.

Дѣйствовать, бороться, покорять сердца, такъ или иначе оперировать надъ душами ближнихъ и дальнихъ, любимыхъ и ненавидимыхъ,—таково призваніе или коренное требованіе натуры всѣхъ выдающихся дѣйствующихъ лицъ произведеній Лермонтова, да и его самого. Имъ было бы совершенно дико и непонятно то преувеличенное почтеніе къ мысли, идеѣ, теоріи, которое получило такое яркое выраженіе въ знаменитомъ «я мыслю, слѣдовательно, существую» Декарта, равно

какъ и многія другія блестящія страницы исторіи философіи. «Я мыслю» — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Мысль, идея есть лишь зачатокъ дѣйствія и сама по себѣ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ или мѣриломъ существованія. Существованіе самой мысли еще нуждается въ доказательствѣ, которое дается лишь обнаруженіемъ ея въ дѣйствиіи. Припомните слова Печорина: «идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, ихъ рожденіе уже даетъ имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе». Таковъ, по Лермонтову, естественный строй душевной жизни, и это воззрѣніе весьма близко къ тому, которое становится господствующимъ въ современной психо-физиологій. Лермонтовъ дошелъ до него не путемъ логическихъ выкладокъ или систематическаго изученія; онъ прочелъ его готовымъ въ своей собственной душѣ, которой была инстинктивно противна половинчатая жизнь замкнутой мысли, не завершенной дѣйствіемъ. Столь же чуждо Лермонтову было и замкнутое, самодовлѣющее художественное творчество. При всей его горячей любви и глубокомъ уваженіи къ Пушкину, онъ никогда не подписался бы подъ извѣстною поэтическою *profession de foi* своего старшаго брата по искусству: «не для житейскаго волненія... не для битвъ, мы рождены для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Лермонтовъ желалъ, напротивъ, чтобы «мѣрный звукъ его могучихъ словъ воспламенялъ бойца для битвы», чтобы его стихъ, какъ «божій духъ, носился надъ толпой и отзывъ мыслей благородныхъ звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ».

Но если естественный строй душевной жизни требуетъ превращенія мысли въ дѣйствіе, то въ дѣйствительности мы видимъ постоянныя нарушенія этого закона. Неудивительно поэтому, что значительная часть лермонтовской поэзіи отличается рѣзко отрицательнымъ тономъ. На каждомъ шагу наталкивался онъ на разнообразныя формы отлученія мысли отъ дѣла или дѣла отъ мысли и, оскорбленный въ коренномъ требованіи своей натуры, металъ направо и налево свой «железный стихъ, облитый горечью и злостью». Нечего говорить

о тѣхъ формахъ разлученія мысли и дѣла, которыя могутъ быть сгруппированы подъ именемъ лицемѣрія. Въмѣстѣ съ другими большого роста людьми, освѣщающими путь человечества, Лермонтовъ клеймилъ, между прочимъ, и лицемѣріе, но не оно составляло специальный предметъ его особенной вражды. «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе: героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много», — писалъ онъ, будучи еще юношей. Позже онъ печально глядитъ «на наше поколѣніе», потому что «въ бездѣйствіи состарится оно», потому-что «мы вянемъ безъ борьбы», потому-что «надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда». Замѣьте эти выраженія; они не случайныя красивыя дѣтища рѣимы и ритма, какъ это часто бываетъ даже у высоко талантливыхъ стихотворцевъ, а точное словесное отраженіе постоянной, излюбленной мысли поэта: мысль должна быть «плодовита», т. е. имѣть осязательный результатъ, быть дѣйственной мыслью, а трудъ, т. е. дѣло, долженъ быть начать геніемъ. Это полный, законченный круговоротъ силъ, и все, что становится поперекъ дороги превращенію мысли въ дѣло, все, разрывающее эти звенья единой цѣпи, больно и оскорбительно уязвляетъ поэта. Условія современной Лермонтову русской гражданственности и въ частности условія нашей печати не позволяли ему быть очень опредѣленнымъ въ указаніяхъ на обстоятельства, препятствующія свободному превращенію мысли въ дѣйствіе, но свободолюбивый духъ ясно даетъ себя знать во всей его поэзіи. «Ты хочешь знать, что дѣлалъ я на волѣ?» — спрашиваетъ Мцыри и отвѣчаетъ: «жилъ». Но вольная жизнь дикаря, вырвавшагося изъ монастыря или плѣна, есть, конечно, не идеаль Лермонтова, а только символъ идеала или схематическое его изображеніе. Въ эту схему надо еще ввести многое, дикарю неизвѣстное, а Лермонтову дорогое. Лермонтовъ могъ съ завистью смотрѣть и на Мцыри, живущаго полною жизнью въ общеніи съ природой, въ битвѣ съ барсомъ и т. д., и на другихъ своихъ героевъ, заимствованныхъ изъ кавказской и болѣе или менѣе отдаленной русской жизни, у которыхъ мысль и дѣйствіе сливаются въ одно неразрывное цѣлое. Но если это и былъ рай,

то рай потерянный, и навсегда. Надо создавать новый рай, въ которомъ, такъ сказать, пропорціи первобытной, стародавней жизни были бы сохранены, но содержаніе жизни было бы обогащено всѣмъ истинно цѣннымъ, пріобрѣтеннымъ на историческомъ пути отъ Хаджи-Абрека или купца Калашникова или горбача Вадима до Лермонтова. Но какъ это сдѣлать?

Въ Хаджи-Абрекѣ или въ Вадимѣ Лермонтовъ цѣнить, конечно, не звѣрскую ихъ жестокость, а лишь ту пропорциональность или эквивалентность мысли и дѣла, которой онъ тщетно искалъ вокругъ себя, въ своихъ современникахъ. Преступность кровопролитія, равно какъ и вообще азбуку гуманизма онъ понималъ ужъ, разумѣется, не хуже другихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ даже минуты его отчаянія въ будущности человѣческаго рода, въ одну изъ которыхъ онъ написалъ замѣчательный, хотя и мало замѣчаемый «отрывокъ»:

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ...

Люди сгибнуть, и «нашъ прахъ лишь землю умягчить другимъ, чистѣйшимъ существамъ. Не будутъ проклинять они; межъ нихъ ни злата, ни честей не будетъ, станутъ течь ихъ дни невинные, какъ дни дѣтей; межъ нихъ ни дружбу, ни любовь приличья цѣпи не сожмутъ, и братьевъ праведную кровь они со смѣхомъ не прольютъ». А мы, люди, будемъ смотрѣть на этотъ «рай земли» изъ «бездны тьмы» и казнить завистью и тоской: «вотъ казнь за цѣлые вѣка злодѣйствъ, кишѣвшихъ подлунной».

Этотъ вопль повторяется, лишь въ болѣе мягкой формѣ, въ часто цитируемыхъ строкахъ изъ «Валерика»:

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно:
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

А между тѣмъ объ этой самой битвѣ при Валерикѣ Лермонтовъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей въ такомъ тонѣ: «Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до шести ты-

сячь; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ,—кажется, хорошо!.. Я вошелъ во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными». Мало того: вскорѣ послѣ битвы при Валерикѣ мы видѣмъ Лермонтова чѣмъ то въ родѣ атамана шайки головорѣзовъ, предводителемъ сброднаго партизанскаго «Лермонтовскаго отряда», во главѣ котораго поэтъ продѣлывалъ настоящіе фокусы отчаянной и совсѣмъ ненужной храбрости. Не уличить-ли намъ поэта въ противорѣчіи или не предоставить-ли двумъ критикамъ доказывать,—одному, что Лермонтовъ былъ любитель «бранной забавы», а другому, что онъ эту «забаву» ненавидѣлъ? Это возможно. Мало писателей, сужденія о которыхъ были бы столь разнорѣчивы и противорѣчивы, какъ о Лермонтовѣ. Есть критики и біографы, характеризующіе Лермонтова, какъ протестанта по преимуществу, и въ особенности подчеркивающіе въ немъ «съ небомъ гордую вражду»; но находятся и такіе, которые, полагаятъ, что девизомъ его жизни и дѣятельности могутъ служить смиренномудрыя слова: «да будетъ воля Твоя». Одни ищутъ и находятъ въ Лермонтовѣ черты казеннаго патріотизма съ барабаннымъ боемъ; другіе указываютъ черты рѣзко противоположныя. Одни помѣщаютъ поэта между небомъ и землею въ костюмѣ «нарядной печали» и красиваго презрѣнія къ маленькимъ и непрочнымъ земнымъ дѣламъ; другіе приписываютъ ему, напротивъ, даже особливую приземистость. И все это, при желаніи и нѣкоторомъ, весьма даже незначительномъ искусствѣ, можетъ быть доказываемо и подтверждаемо цитатами или ссылками на біографическіе факты. Съ такимъ же правомъ можно бы было доказывать и то, что Лермонтовъ былъ врагомъ кровопролитія, и то, что онъ былъ его апологетомъ. Дѣло однако въ томъ, что, не говоря о преходящихъ настроеніяхъ минуты, на которыхъ ничего не слѣдуетъ строить, Лермонтовъ, совершенно независимо отъ своихъ убѣжденій, высоко цѣнилъ самую убѣжденность, засвидѣтельствованную дѣломъ. Пусть Хаджи-Абрекъ звѣрь, пусть Вадимъ еще большій звѣрь, но Лермонтовъ видитъ въ немъ «великую душу»,

хотя и жалѣть, что его «геройское терпѣніе, скорость мысли и рѣшительность» пошли на дѣло звѣрской, личной мести. И многое простилъ бы онъ своимъ современникамъ, если бы видѣлъ въ нихъ готовность постоять хоть за чтонибудь съ такою же непоколебимою рѣшимостью, съ какою Хаджи-Абрекъ, Калашниковъ или Вадимъ стоятъ за свое дѣло.

Въ числѣ причинъ этого недуга безсилія любопытенъ «ядъ просвѣщенія». Видѣть въ этомъ указаніи какой-нибудь протестъ противъ науки, теоретическаго знанія, какъ таковаго, — совершенно неосновательно. Мимоходомъ сказать, школьное образованіе Лермонтова не было, конечно, значительно, но самостоятельно онъ, повидимому, много учился, и не только въ области изящной литературы, и не только въ годы ранней юности. Такъ, въ 1841 г., передъ послѣдней поѣздкой на Кавказъ, онъ писалъ одному пріятелю: «Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ». Это свидѣтельствуешь о довольно широкихъ и разностороннихъ чисто умственныхъ интересахъ, и если «просвѣщеніе» является въ глазахъ Лермонтова «ядомъ», то лишь въ томъ смыслѣ, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, такъ сказать, парализуетъ, подобно нѣкоторымъ настоящимъ ядамъ, двигательные нервы, отнимаетъ у нихъ способность быть проводниками воли. И, дѣйствительно, есть дозы и формы просвѣщенія, которыя, подмывая старыя вѣрованія, служившія когда-то источникомъ или импульсомъ дѣятельности, не даютъ взамѣнъ ничего новаго и оставляютъ человека при голомъ скептицизмѣ. Есть другія дозы и формы просвѣщенія, которыя дѣлаютъ мысль, идею, познаніе, теорію настолько преувеличенно привлекательными, что человекъ на нихъ останавливается, не помышляя о претвореніи мысли въ дѣло и теоріи въ практику. Такое-то просвѣщеніе и есть, съ точки зрѣнія Лермонтова, ядъ.

Лермонтову казалось иногда, что и самъ онъ отравленъ этимъ ядомъ. Оно такъ и было до извѣстной степени, но въ несравненно большей мѣрѣ его точилъ другой недугъ. Онъ разсказалъ о немъ словами Печорина: «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существо-

вала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому-что въ душѣ моей я чувствую силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ, изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни». Эта характеристика Печорина, сдѣланная имъ самимъ подъ диктовку Лермонтова, приложима и къ Лермонтову, но съ ограниченіями. Ни изъ чего не видно, чтобы Лермонтовъ «навѣки утратилъ пылъ благородныхъ стремленій». Онъ умеръ слишкомъ молодымъ, чтобы можно было дѣлать подобныя заключенія, и все заставляетъ, напротивъ, думать, что онъ, въ лицѣ Печорина, слишкомъ рано поставилъ на себѣ крестъ. Не совсѣмъ также вѣрно, что онъ не угадалъ «своего назначенія». Но зато вполне вѣрно, что силы его были громадны и что эти силы тратились иногда на «приманки страстей пустыхъ и неблагодарныхъ». Исключительный размѣръ силъ Лермонтова сказанъ не только въ его чарующей поэзіи, совмѣщающей въ своемъ содержаніи глубокую мысль и сильное чувство, а въ своей формѣ—музыку стиха, живопись красокъ и пластику скульптуры. Исключительная сила выразилась и въ житейскихъ дѣлахъ Лермонтова, даже въ самыхъ мелкихъ и, прямо сказать, дрянныхъ, нравственно безобразныхъ. Нѣтъ имени его поведенію въ исторіи съ Сушковой-Хвостовой, какъ мы ее знаемъ и отъ нея, и отъ него. Но, принимая въ соображеніе его тогдашній мальчишескій возрастъ и житейскую, а въ частности свѣтскую неопытность, нельзя все-таки не признать, что это—злая, безспорно злая работа, но работа недюжинной силы. И сила эта совершенно особенная, рѣдкій даръ природы, приносящій съ собой иногда много добра, иногда много зла, — даръ дерзать и владѣть, сила психическаго воздѣйствія на людей. Печать этой силы лежитъ на всей поэзіи Лермонтова, но и помимо поэзіи она всегда рвалась въ немъ наружу, требовала работы, стихійно искала себѣ точки приложенія. Именно стихійно. Лермонтовъ, по самой натурѣ своей, не могъ не подчинять себѣ людей, такъ или иначе, играя на струнахъ ихъ душъ, то намѣренно ихъ очаровывая, то столь же намѣренно доводя ихъ до озлобленія. Въ послѣдніе годы

своей жизни Лермонтовъ мечталъ о томъ, чтобы выйти въ отставку и совсѣмъ отдаться литературѣ, — онъ думалъ издавать журналъ. Мудрено гадать, чего мы лишились, благодаря неосуществленію этого проекта. Мудрено гадать даже о томъ, удовлетворился ли бы сколько нибудь самъ Лермонтовъ тою литературною дѣятельностью, какая была возможна въ его время. Но вся жизнь его протекла въ условіяхъ, совершенно неблагоприятныхъ для пріисканія дѣятельности, сколько нибудь его достойной, за исключеніемъ, разумѣется, поэзіи, въ которую онъ и вкладывалъ свою уязвленную душу. Отсюда мрачные мотивы и мрачный тонъ этой поэзіи. Въ придачу къ тяжкимъ впечатлѣніямъ дѣтства, быть можетъ и преувеличеннымъ пылкостью воображенія и болѣзненною чуткостью поэта, въ пору сознательной жизни явилось еще нѣчто въ родѣ мукъ Прометея, у котораго печень вновь вырастаетъ по мѣрѣ того, какъ ее клюетъ коршунъ. Мы видѣли, что даже въ юнкерской школѣ, среди веселаго разгула и непристойныхъ упражненій въ поэзіи, Лермонтовъ внутренне угрызался и тосковалъ. И такъ было всю жизнь. Становясь на Кавказѣ во главѣ чего то въ родѣ шайки башибузуковъ, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое самъ сравниваетъ съ ощущеніями азартной игры; но это лишь увлеченіе минуты, за которымъ слѣдуетъ горькое раздумье и разочарованіе. Слѣпая сила его собственной природы стихійно побуждала его дерзать и владѣть гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а голосъ разума и совѣсти клеймилъ эту жизнь печатью пошлости и пустоты. Но опять, при первомъ удобномъ случаѣ, при новой встрѣчѣ съ женщиной, при столкновеніи съ новымъ обществомъ, жажда дерзать и владѣть выступала впередъ и опять голосъ разума и совѣсти говорилъ: не то! не таково должно быть поле дѣятельности для «необъятныхъ силъ»! Немудрено, что въ душѣ поэта вспыхивали зловѣщіе огни отчаянія и злого, мстительнаго чувства. Немудрено, что жизнь казалась ему временами «пустою и глупою шуткой»...

Кн. Васильчиковъ правъ, говоря, что то было время «самое пустое въ исторіи русской гражданственности», и указывая на «придавленность общества послѣ катастрофы 14-го декабря».

Но онъ не правъ, называя Лермонтова «человѣкомъ вполне своего вѣка, героемъ своего времени». Или по крайней мѣрѣ это опредѣленіе требуетъ оговорки. Что бы ни хотѣлъ сказать Лермонтовъ заглавіемъ своего романа, — иронизировали онъ или говорилъ серьезно, собирательный ли типъ хотѣлъ дать въ Печоринѣ или выдающуюся единицу, съ себя ли писалъ «героя нашего времени» или нѣтъ, — для него самого его время было полнымъ безвременьемъ. И онъ былъ настоящимъ героемъ безвременья.

ms.
6





